И.Ю. Пермяков

Бард том 1
Дети Дракона

И. Ю. Пермяков

Бард. Том 1. Дети Дракона

«Издательские решения»

Пермяков И. Ю.

Бард. Том 1. Дети Дракона / И. Ю. Пермяков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855516-9

Мир людей жесток и опасен. Жизнь людей полна невзгод и трудностей. Но в то же время, этот мир так увлекателен и необычен, что невозможно не окунуться в его водоворот, особенно если ты одинок и жаждешь признания и славы. И вот, юный эльф, вслед за своей сестрой уходит от своих соплеменников, чтобы исполнить мечту каждого молодого человека — прославиться. Чтобы вдоволь испытать невзгод и трудностей и обрести славу и любовь.

ISBN 978-5-44-855516-9

© Пермяков И. Ю.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Часть I. 17
Ученик 17
Странник 44
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Бард. Том 1
Дети Дракона

И. Ю. Пермяков

Моей супруге – моему самому благожелательному читателю посвящается

Иллюстратор Дарья Каневская
Дизайнер обложки Дарья Каневская
Редактор М. И. Пермякова

© И. Ю. Пермяков, 2018
© Дарья Каневская, иллюстрации, 2018
© Дарья Каневская, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4485-5516-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Герийское герцогство слыло самым просвещенным и культурным государством в западной части Ловерии. А после того как в 4172 году будущий император Аурикс Справедливый женился на герийской принцессе и между этими государствами был подписан военный договор, оно по праву заняло ведущее место в Арейском союзе, давшем начало той коалиции, которая в будущем стала победительницей в Третью Хивскую кампанию. Герия по праву считалась цитаделью просвещения, торговли и искусства, а в Талио, столице этого удивительного герцогства, лет двести до описываемых событий назад был основан первый в Ловерии университет.

Быть просвещенным становилось модным, и каждая считающая себя значимой семья старалась отправить на обучение своих отпрысков, тратя на это немалые деньги, ибо, с прискорбием приходилось признать, знания – это субстанция довольно дорогая. Но если из этих слов Вы вдруг проникнитесь убеждением, что для университетских профессоров деньги являлись основным фактором подбора студентов, то Вас ждет приятное разочарование, не всё в этом мире можно перевести в денежный эквивалент. К чести герцога отметим, что ежегодно назначалась именная стипендия, позволявшая продолжать учиться и совсем уж неимущим людям, если в их головах умудренные профессора находили что-нибудь, что отличало их от основной массы учащихся.

Старый университет занимал несколько огромных зданий в центре города, заполняя собой и своими студентами всю дворцовую площадь с прилегающими к ней улицами, со старинными особняками, ставшими со временем банками, музеями, мастерскими художников и прочими центрами как деловой, так и торговой жизни города, а прежние их владельцы съехали от этого гомона и шума в более тихие места. Только два здания не изменили своему прежнему назначению: городская ратуша, стоявшая тут испокон веков, и резиденция Герцога Герийского, слывшего одним из самых богатых вельмож того времени. Но и он предпочитал жить в городе только зимой, а все остальное время «ютиться» в своем роскошном дворце в пригороде Талио.

Особой гордостью герийцев были мощеные дороги княжества, связывающие даже маломальски значимые населенные пункты государства. Развитие почтового дела и, как следствие, почтовых перекладных делали передвижение по Герии быстрым и удобным.

Именно в почтовой карете на почтовую станцию у селения Рижи далеко за полдень прибыл молодой человек в сопровождении не менее молодого слуги, который хоть и старался казаться серьезным и взрослым, но при всем своем желании не мог в этом преуспеть. Выйдя из кареты, молодой человек, предоставив своему слуге разбираться с багажом, прошел внутрь маленькой придорожной гостиницы и, усевшись за столиком в общей зале, заказал двухкомнатный номер на ночь и кружку пива на то время, пока его слуга разберется с багажом и комнатой.

Вошедший путешественник был подвергнут всестороннему осмотру со стороны молоденькой служанки. Та, по-видимому, осталась довольна увиденным, поскольку, поставив перед молодым человеком заказанное им пиво, о чем-то зашепталась со своей подружкой. О чем, разобрать из-за частых смешков было практически невозможно, кроме слова «хорошенький». Молодой человек задумался и, казалось, ничего не замечал вокруг, что дало им повод бесцеремонно на него уставиться, чтобы хорошенько разглядеть его античный профиль, длинные прямые черные как смоль волосы, перевязанные сзади ленточкой, изящные руки, артистично сложенные на столе. Одет он был в серый дорожный костюм из замши, по моде «золотой» молодежи тех лет. У правого бедра удобно устроился длинный кинжал, который герийские студенты предпочитали носить взамен тяжелых мечей.

Очнувшись от дум и сделав вид, что не замечает пристального внимания местных девиц, молодой человек томно потянулся, взял кружку с пивом, которое местная молодежь по студенческой моде предпочитала вину, осторожно отхлебнул и, скривившись, обиженно произнес в сторону стойки, за которой притаился хозяин заведения:

– Я же просил лучшего темного пива.

– Но, господин, это и есть самое лучшее пиво во всей Герии, уж можете мне поверить. Из самого Талио еженедельно приезжают сюда, чтобы закупить несколько десятков бочек для самых известных заведений этого славного города, – заискивающе пробасил полноватый, слегка лысеющий хозяин заведения.

– Да? – недоверчиво переспросил молодой человек, отодвигая от себя кружку и снова погружаясь в какие-то свои мысли.

– Эй, вы, – послышался голос с лестницы в сторону засмотревшихся девиц, – чем пялиться, перестелили бы лучше постели. За такие деньги, которые вы тут собираетесь содрать с моего господина, простыни могли бы быть посуше, а подушки помягче. Да давайте поживее, мы несколько часов тряслись в карете, что не грех пару часиков до обеда и поспать.

Этот грозный тон принадлежал почти совсем еще мальчишке, спутнику описанного нами молодого человека, который, управившись с вещами, спустился со второго этажа проведать своего господина. Внешности он был самой обыкновенной, невысокий, белокурый, каких полным-полно хватает в каждом городе Ловерии.

Девицы, смеясь, убежали наверх, а молодой человек подошел к сидящему юноше и, усевшись за стол напротив него, завладел отставленной им кружкой. Увидев, что возражений не последовало, он с жадностью отпил из нее треть и, утершись рукавом, тяжело вздохнул.

– И правда, хорошее пиво.

– Да? А мне как-то оно не понравилось, – пожал плечами юноша.

– По первой всегда так, а как привыкнешь, так лучше напитка нет, – по-взрослому рассудительно произнес он. – Я, Ваша милость, «слетаю» на станцию, проведаю как там насчет лошадей до Талио, а Вы ложились бы, а то прошлую ночь все вздыхали над письмом. Сейчас эти пигалицы перестелют постель, сразу и ложитесь, а я опосля обед закажу.

– Если я сейчас посплю, то ночь опять пройдет без сна, уж лучше сейчас перетерпеть да пораньше лечь.

– Ну как знаете, я пойду, дойду до станции.

Мальчишка отпил еще немного пива из кружки, встал из-за стола и исчез за дверью. Направившись в небольшое строение практически напротив гостиницы, которое и было искомой станцией, он с огорчением узнал, что получить сменных лошадей можно, к сожалению, не ранее утра, он вернулся в гостиницу, где застал своего господина сидящим в отведенном им номере с пером в руках. Не став мешать ему в столь важном деле, мальчик спустился в общий зал, где заказал обещанный обед и в ожидании его приготовления уселся у окна, где немедленно подвергся атаке миловидных, уже знакомых нам девиц.

– Господин мой человек в особых кругах довольно известный, я хоть и путешествую с ним не так и давно, – важно произнес он в ответ на девичьи вопросы, – но сколько его знаю, везде ему почет и уважение, поскольку сам он один из лучших бардов современности. Не думайте, что это я так придумал, мне еще недавно таких фраз и выговорить невозможно было бы. Это так сказал его учитель словесности, когда с полгода назад выпроваживал его из своего дома, где мой господин и проживал. С тех пор он и путешествует по свету, ну и я с ним. А куда ему без меня? Конечно, спеть пару куплетов да рассказать какую-нибудь удивительную историю, тут ему равных нет, а вот удобно устроиться в дороге или купить что из одежи, тут он словно дитя малое…

– Спеть для вас? Ну не знаю, – нахмурил лоб Рон в ответ на робкое предположение одной из девиц, – попробуйте, мой господин, конечно, человек важный и привык выступать все

больше по дворцам, но, думаю, таким красоткам не откажет, если будет ему охота в вечерний час набренчать что-нибудь у камина. Хотя не знаю, видали, какой он грустный, все от страшной болезни, каковую он подцепил в Шуаси.

– Какой болезни? – Рон вновь наморщил лоб. – Да самой отвратительной, которую вы по недомыслию кличете любовью. А что разве не так? Вон у нас в деревне жену парню выбирают родители, сговариваются с будущими сватами, играют свадьбу, и живут люди счастливо всю жизнь и не морочат голову ни себе, ни другим, а то выдумали любовь, и мучаются потом, и вздыхают. Эй, больно, – потер Рон лоб рукой, получив от одной из девушек удар веером, которым она, по примеру знатных дам, прикрывала рот, когда смеялась. – Будете драться, на этом наша беседа будет закончена, – решительно пресек он все агрессивные намерения столь беззащитных, на первый взгляд, особ.

– То-то же, – мгновенно остыл Рон на извинения посмеивающихся над ним девушек. – Да, если честно, особо и рассказывать-то не о чем. Пригласил нас как-то граф Шуаси в свой родовой замок по случаю празднования годовщины свадьбы со своей супругой. Денег пообещал немерено, а мы тогда только-только прибыли из Испа и по пути в Царьград, красотами которого мой господин хотел насладиться, остановились в маленькой придорожной гостинице. Денег у нас и своих хватало, но господину стало любопытно поприсутствовать на таком пиру, да и люди, которые принесли приглашение, были очень настойчивы. Настолько настойчивы, что казалось, сейчас мечи зазвенят, так что обострять отношения мой господин не стал, справедливо рассудив, что Царьград никуда не денется, да и деньги лишними не бывают.

Только не надо делать вывод, что мой господин трус, вовсе нет, если бы те господа не были бы так убийственно любезны, может, все сложилось бы и по-другому, но приличия были соблюдены, и особого повода отказаться не было. Знаете, ничего особенного, пир как пир, у нас в деревне по окончанию жатвы было хоть и победнее, но не в пример веселее. А тут жеманные девицы с перетянутыми талиями и набеленными лицами, важные господа. Скукотища. Поехали на охоту, так перепились еще до ее начала, так что половина гостей так и уснули, не начав ее. Рыцарский турнир, это да, как они рубились на мечах да скакали на лошадях, наставив друг на друга копье. Аж мороз по коже, когда один из них вылетал из седла, но все обошлось, смертоубийства не допустили.

Господин? Он спел там свои лучшие баллады и был удостоен букета цветов от хозяйки замка. Говорят, такого почета она не удостаивала ни одного из рыцарей, а по мне, так лучше деньгами.

Да нет, влюбился он вовсе не в графиню, хотя она довольно ничего, женщина в теле. Говорят, вертит своим муженьком, как хочет, ну это уж не нашего ума дело. Влюбился он в дочь тамошнего барона Вольса. Огонь-девка, глазища горят, на язык востра, никому спуска не давала. Всех высмеет, всем прозвища навешает, ой не приведи с такой столкнуться. И ведь не заткнет ее никто, она графу родная племянница, отец ее, значит, его брат родной, а рука у него о-го-го как тяжела, говорят, его все графство как огня боится, так что сносили все ее насмешки безропотно. Но умна не по годам, так и сыплет цитатами, это, значит, речи всякие умные великих людей так и сыплет на память. И вот из баловства ли, но решила она и господина моего несколько пошпынять, да не тут-то было, нашла коса на камень. Господин-то мой на язык-то побойче нее да в диспутах и спорах научных за время учебы поднаторел. Короче, не дал он себя в обиду, да и ей язычок то «поукоротил». Убежала она, раздосадованная, а у меня и сердце замерло, когда я об этом-то узнал, нам же, слугам, ходить меж господ не велели. Я об этом на кухне и услышал. Ну, думаю, бежать надобно, покуда не порубил нас ее отец. Нашел господина, а он смеется, как будто и не произошло ничего. Ладно, думаю, буду рядом где-нибудь находиться, воин из меня, конечно, не ахти какой, но верный человек он всегда в помощь. Да и нашел на свою голову приключений. Просыпаюсь ночью, а господина нет, я бегом из комнаты, нашел его. А он в большой зале этой вертихвостке легенду любовную

напевает. Нет, конечно, они не одни там были, еще с полтора десятка дам, затаив дыхание, слушали эту слезливую песнь. И чего они там нашли, вот то ли дело о походах баллады или рыцарях, аж огонь по жилам.

Да, ладно-ладно, что бы вы понимали в балладах. Я и говорю, поет таким томным голосом, у меня аж самого слезы на глазах навернулись. И знаете, вот сидит много людей, а ведь, понимаю, поет только для нее. А она как на него смотрит, как будто и нет больше кругом никого. Полумрак, свечи горят, а у нее глаза, как брильянты, блестят. Ну, думаю, все, пропал господин, и не знаю, что делать. А там на стене щит весел старинный, боевой, так я возьми да как бы невзначай со стены уронил. Грохоту было, женщины от испуга завизжали, прибежал паж графини да оттаскал меня за уши, ладно Регина, эта дочь барона, вступилась, отпусти, говорит этого неуклюжего сатира. Он и отпустил, а то точно запороли бы.

За что, за что? За то. За то, что хожу, где не надобно. Говорил же, что нельзя слугам промеж господ шнырять, ну а их развлечениям так и вообще мешать немоги.

Что значит зачем? Я ж говорю, смотрела она на него так, как будто он один мужчина в мире, а у нас в деревне всегда говорили, если так смотрит, то точно или приворожит, или сглазит. И то, и другое нам не надобно.

Да никак, не уберег, мне б чуток пораньше прийти, не видать бы ей моего господина. А так попался, как птица вольная в силок. И всё, закручинился, места себе не найдет. Одно радует, она-то как извелась, как тень до конца празднования за ним ходила. После того как гости разъехались, графиня нас еще оставила погостить, а Регина-то сама напросилась, нравится, говорит, мне у вас, хорошо больно, да и город рядом, они с теткой каждый день туда мотались. Так и прогостили мы почти месяц, вышло у нас время, не поехал мой господин в Царыград, а поехал через Вольс в Мира, а оттуда к вам. Мы же едем в Талио с рекомендациями для поступления в тамошний университет. Вбил себе мой господин, что не помешает ему диплом университетский, а по мне – ну зачем он ему сдался? Ну да дело хозяйское.

Ну да что рассказывать, выделила графиня нам карету, что бы мы, значит, с удобствами ехали, мы и, попрощавшись, двинулись, а к вечеру нас Регина и догнала, кинулась ему на шею, кричит люблю и никому не отдам. Заперлись в карете и все время, пока ехали, почти из нее не выходили. А ехали почитай три дня. Им-то что, карета штука удобная, а мне на запятках? Ну да ладно, я не неженка какая.

Как уж он от нее избавился, не знаю, да только, не доезжая до Вольса, она вскочила на своего коня и была такова. Ну а мы потихоньку добрались до Мира, пересели на почтовых и вот у вас. Но с тех пор господина как подменили, баллады не сочиняет, только письма пишет, а наутро рвет и сжигает, горе с ним.

За время этой интересной и несколько поучительной беседы хозяин доставил из кухни заказанный обед. Рон подхватил тяжеленный поднос и стремглав унесся, доставляя ароматно пахнущие блюда по назначению.

Пока Рон таким образом ожидал обед для хозяина, тот, умывшись в приготовленном для него медном тазу, сел за стол и, достав из сумки для бумаг чернила с пером и два недописанных письма, задумался над ними. Прочитав по несколько раз оба, он запечатал одно из них, написанное на синей бумаге, специальной печаткой, изображавшей летящего голубя, и, развернув второе письмо, на зеленой бумаге, углубился в его изучение.

Привет, вот неожиданно для себя решил написать письмо. Сто лет, наверное, не занимался такими делами, что заставило? Да кто ж его знает, наверное, блажь.

Решил нетрадиционно, так что не будет в письме обычных витийств о здоровье, погоде, политике и семье. Короче, ничего лишнего. Я просто хочу рассказать тебе свой сегодняшний сон. Надо было сразу с этого начать, но, к сожалению, не умею я сразу перейти к главному, вот хочется налить побольше воды, чтобы запутать собеседника.

Мне сегодня снился странный сон, в этом сне я, по большей части, спал, забавно, знаешь ли, спать во сне, но чем только не развлекаются люди, вернее, как. В одном из эпизодов я вновь видел тебя, что само по себе и не новость, как ты, наверное, помнишь, я сны с твоим участием вижу периодически. Можно было бы вычурно заявить, что это оттого, что я живу тобой, дышу тобой, но ты бы посчитала это неуместной лестью, я бы стал возражать, что это так, и этот спор мог бы продолжаться достаточно долгое время. Но сейчас не об этом.

Во сне мы встретились в какой-то непонятной для меня обстановке, помещение не помещение, какая-то беседка, это не описать. Со мной кто-то был, я помню, что пришел туда явно не один, но при твоем появлении этот человек отошел на второй план, а потом и вообще исчез, и я тут же забыл как о его существовании, так и о том, зачем мы туда пришли. Помню, меня поразила твоя одежда, вернее то, что я помню из одежды: длинный яркий шарф и огромная смешная шляпа на твоей голове. Несмотря на то, что она выглядела довольно забавно, она тебе очень шла. Впрочем, ты очень быстро ее сняла. Куда она дальше делась, я не уловил, потому что из рук она просто исчезла.

Так бывает во сне, в этом нет ничего удивительного, вот и я точно помню, что ее исчезновение не вызвало у меня никаких эмоций, мало того, я посчитал, что это вполне нормальное явление. Удивило меня то, что ты была постоянно в движении, и вокруг тебя создавалась аура напряженности и тревоги. Странно, но я почувствовал себя расстроенным, в глубине души затаилась горькая обида, причина которой была мне непонятна.

– Я хочу, чтобы ты прочитал это, – ты протянула мне неровно оборванный со всех сторон клочок какой-то старой бумаги.

Буквы были мелкие, я попытался прочитать текст, но, прочитывая каждое слово, я тем не менее не мог уяснить смысл. Он ускользал от меня, мало того, листок стал рассыпаться в моих руках.

– Тут не весь текст? – спросил я тебя и почувствовал какую-то тревогу.

– Ах да, вот окончание, — твое лицо стало еще более расстроенным.

Я взял в руки окончание текста, но так и не смог получить ту информацию, которая была в нем. Но вдруг ясно почувствовал, что это гениальные стихи, которые, по-видимому, мне не удастся прочитать никогда.

– Ты ничего не понял, — с грустью произнесла ты, и твои глаза потемнели.

– Я понял, что это стихи, чьи они?

– Неважно. Уже неважно. Мы расстаемся?

– Наверное. Это предпоследняя стадия любви, — невесело улыбнулся я, не поднимая на тебя глаз.

– А какая тогда последняя? — недоуменно посмотрела на меня ты.

– Одиночество, – прошептал так тихо я, что ты не могла это услышать.

Тем не менее ты кивнула и произнесла: «Ты действительно настоящий поэт, по крайней мере, мог бы им стать, если бы судьба распорядилась бы немного по-другому. Только поэт может так бесцеремонно препарировать понятие любовь, боготворя само это чувство».

– Может быть, но я не жалею о своей жизни, там была ты. К тому же, судьба никогда не ошибается…

…Я поднял голову от подушки, я лежал в незнакомой спальне на огромной кровати, по-моему, я был раздет, не помню, я смотрел не на себя, рядом лежала ты. Слева от меня, на боку, в каком-то цветном платье, но это лежала ты. Твои глаза пристально смотрели на меня.

– Я не помню, как оказался здесь?

– Не бери в голову, так и было задумано, я хотела смотреть на тебя.

– Ты не спала всю ночь?

– Я же говорю, я хотела смотреть на тебя.

– Я вообще ничего не помню. Где мы?

– Не переживай, это неважно.

Я оглянулся вокруг, но не узнал ни помещения, ни даже чего-то знакомого, за что можно было зацепиться памятью.

– Не нервничай, — неправильно истолковала ты мой взгляд, — я не дотронулась до тебя и решила даже не раздеваться

Я хотел возразить по этому поводу, но тут я проснулся.

Ничего толком не понимая, я встал с кровати, прошел к окну.

Если бы я был поэт, то, наверное, описал бы красочно, как я смотрел до утра в неподвижную темноту, напоминающую бесконечность. Но реальность была более прозаична, за окном горел фонарь, освящая гнущиеся на ветру ветки кустов и катящийся по дороге мусор. Я развернулся и ушел обратно в спальню. До утра я уже не уснул.

Молодой человек медленно запечатал второе письмо все той же печаткой, бросил оба разноцветных письма на стол, убрал письменные принадлежности в сумку и, как человек, решивший какую-то сложную задачу, облегченно вздохнул и, дойдя до кровати, с наслаждением рухнул на нее. Через несколько минут легкий игривый сон сморил его, и он, улыбаясь, отдался его течению.

Когда через час Рон вошел в комнату, его хозяин безмятежно спал, подложив руку под голову. Рон поставив поднос на стол, хотел потихоньку выйти, но его хозяин поднял голову и, сладко потянувшись, с улыбкой произнес:

– Все-таки, Рон, ты ходишь, как какое-нибудь неуклюжее создание. Не говорю животное, поскольку это их бы обидело. Грохот твоих сапог я услышал, когда ты еще был на лестнице.

– Ну уж как умею, – пожал плечами Рон.

– Ладно, чего ты там принес?

– Все самое лучшее, что только можно было тут раздобыть, такое впечатление, что они совсем не умеют готовить.

– Рон, я не говорил тебе, что ты зануда?

– Говорили.

– Что там с лошадьми?

– До утра ничего, ну оно и к лучшему, зато отоспимся, а поутру и дорога веселее. Говорят, тут водятся разбойники, которых не могут переловить уже несколько лет.

– Ну, разбойники – это не беда, давай садиться есть.

Некоторое время в комнате раздавалась только бряканье посуды, потом оба едока почти одновременно отставили тарелки.

– Я осмелился заказать Вам вина, поскольку пиво Вам так не понравилось, – проговорил Рон, убирая со стола и на ходу дожевывая.

– Я это заметил, – усмехнулся молодой человек, наполняя себе бокал. – У меня для тебя есть работа.

– Я слушаю, – замер Рон.

– Сходи на станцию и узнай, когда будет оказия в Миру.

– И спрашивать нечего, приблизительно через час. Когда я ходил насчет лошадей, услышал разговор двух купцов, они едут туда на ярмарку.

– Отлично. Я хотел спросить, ты не хочешь навестить родных?

Рон замер в недоумении и вдруг внезапно охрипшим голосом спросил:

– Вы прогоняете меня, господин Милл И’Усс?

– Не говори глупостей, Рон. Я, по-моему, понятно сказал, у меня есть к тебе поручение, а потом задал вопрос.

– Да, господин Милл И’Усс.

– Ну и?

– Конечно, я хочу навестить своих родных.

– Отлично, мне необходимо, чтобы ты отвез по назначению два письма, навестил своих родных, удостоверился, что у них все нормально, и по возможности быстрее вернулся обратно. Я, знаешь ли, уже привык к твоему присутствию.

– Так Вы не прогоняете меня?

– С чего бы такая мысль взбрела в твою голову?

– Простите, господин, мне, наверное, почудилось.

– Это все, Рон, от твоего слишком уж живого воображения. Значит, запоминай, вот это зеленое письмо ты положишь в дупло того огромного дуба, на который я тебе указывал, когда мы проезжали мимо Вольс, ты помнишь его?

– Еще бы, господин, разве забудешь такую махину, только где искать то дупло?

– По-моему, где-то у третьей ветки, ты, кстати, лазать по деревьям умеешь?

– Да не велика наука, я все-таки всю жизнь до Вас провел в деревне.

– Замечательно, значит, для тебя это самая легкая часть задания. Затем, ты направляешься к замку Шуаси и передаешь синее письмо графине. Это задание уже посложнее, но ты справишься. Помни, два раза в неделю она посещает местный храм. Вход туда свободен для всех, думаю, это твой единственный шанс выполнить мое задание. Затем ты навестишь своих родителей, убедишься, что у них все нормально, и мчишься ко мне. Я тем временем обоснуюсь в Талио, если не сможешь меня найти, ищи в университете, куда я думаю поступить. Все понятно?

– Есть два вопроса, господин.

– Да?

– Чтобы пересечь Визию и Испа без особых проблем, мне необходима подорожная.

– Я напишу тебе вольную. Будь добр, разыщи нотариуса, чтобы скрепить этот акт. Какой второй вопрос?

– А где Вас искать, если Вам не удастся поступить в университет?

– Не бери в голову, у меня достаточно надежные рекомендации.

– Да, но говорят…

– Рон, меня сейчас беспокоит, как ты справишься со своими поручениями.

– Да, господин Милл И'Усс, я иду за нотариусом.

– Хорошо, и узнай у тех купцов, не возьмут ли они попутчика.

Рон выбежал из комнаты, оставив своего господина сидеть с задумчивым лицом с бокалом вина в руке.

– Хорошо, – произнес молодой человек, которого его слуга Рон назвал господином Милл И'Уссом, – по-моему, мои маленькие приключения имеют продолжения, это радует, терпеть не могу неоконченных баллад.

Оказалось, что в городке нет постоянного нотариуса, но дело благополучно разрешилось. Местный владетель гостиницы, внимательно прочитав рекомендации господина Милл И'Усса, предложил свои услуги, написав рекомендацию от своего имени в том, что слуга господина Милл И'Усса путешествует по делам дома Винтора Масса. Как оказалось, в дальнейшем эта рекомендация позволяла беспрепятственно путешествовать по дорогам Визии, так как дом Масса был весьма известен в кругах местных купцов и пользовался достаточным авторитетом и доверием.

Короткие проводы, и ошеломленный всем случившимся Рон под присмотром вышеупомянутых купцов и с довольно приличной суммой денег для успешного завершения экспедиции уже направлялся прочь от селения Рижи. Его хозяин, покончив со столь беспокойным делом, с удовольствием внял просьбам миловидных работниц гостиницы, взял в руки чудной струн-

ный инструмент с выпуклым барабаном и длинным грифом, на котором было натянуто шесть медных струн, и затянул своим бархатным чарующим голосом старинные любовные баллады.

О, женщины, имя Вам неизвестность. Ну кто может сказать, что нужно для покорения Ваших сердец? Иногда и всех богатств мира, брошенных к Вашим ногам, недостаточно, чтобы покорить Вас. Все героические подвиги мужчин ничто по сравнению с Вашим суровым и непреклонным взором. А иногда несколько удачно срифмованных куплетов пленяют Ваше сердце и воображение, а когда негромкий голос поет в унисон Вашему дыханию, Вы и вовсе оказываетесь в плену своих иллюзий и в объятьях этого непостоянного типа, неспособного оценить всю глубину дарованного ему счастья. Как понять Ваше непостоянство и ветреность? Наверное, никак, а если и может кто, то это такая же непостоянная женщина, хранящая в своем сердце этот секрет от всех несведущих, а еще строже, от этих несносных и безответственных мужчин.

Как проникают мужчины в эти хранимые всеми женщинами мира секреты, непонятно, но некоторые настолько преуспевают в них, что становятся опасны для женщин и их семей и становятся ненавидимы другими мужчинами, большинство которых, к счастью, лишены этих чарующих возможностей.

Был ли этот юноша знатоком этих знаний, или его природные способности и очарование, подкрепленные чарующей музыкой, сладким вином и аурой влюбленного, позволили ему завладеть девичьим сердцем, неизвестно. Факт остается фактом, что ранним утром, когда яркое солнце еще протирало спросонья свои глаза, в его дверь тихонько постучались, сообщив, что карета до Талио ожидает его отъезда, он нежно и ласково поцеловал спящую там девицу и, прикрыв дверь в спальню, по-солдатски быстро одевшись, приказал выносить практически не распакованные накануне вещи.

Потянувшись, молодой человек оглянулся вокруг, словно в сомнении, не забыл ли он чего в спешке, и, удостоверившись, что это не так, легко сбежал по лестнице к поданной карете, забыв о прекрасном создании в своей постели, которой еще давеча шептал нежные слова. Вероломство – имя твое, мужчина. А если и не вероломство, то беспечность и черствость, что не менее ужасно по отношению к тем милым созданиям, которые наивно отдаются сжигающему их чувству, идя на поводу легкомысленных мужчин.

– Когда мы прибудем в Ливж? – поинтересовался молодой человек у кучера.

Надо пояснить, что сей Ливж был последней почтовой станцией на дороге в Талио.

– Если все пойдет как надо, к обеду, – пожал тот плечами.

– Очень хорошо, – кивнул в ответ Милл И'Усс и, взойдя в карету, продолжил свой прерванный сон.

Проснулся он от непонятного крика со стороны кучера и резкой остановки кареты. Ничего не соображая со сна, он попытался открыть дверь кареты, но тут в нее буквально влетел какой-то человек, мгновенно приставивший кинжал к горлу нашему путнику. Убедившись, что пленник замер, нападавший звонким голосом крикнул кому-то «гони» и предложил молодому человеку «не двигаться».

– Как скажешь, Кирия, сколько себя помню, ты всегда командовала в таких играх. Видимо, это судьба.

Прошла небольшая пауза, затем кинжал был убран в ножны, и чуть дрожащий от возбуждения голос почти нейтральным тоном произнес.

– Здравствуй, Милиус, ты не представляешь, как я рада тебя видеть, – еще секунда, и, не сдержавшись, она кинулась ему на шею, – Милиус, как я рада.

Она прижалась к его груди, затем со смешком его оттолкнула и спросила:

– Ну, как там Долина, как Король?

– Я не совсем в курсе, потому как через год после твоего исчезновения я сам покинул Долину и еще ни разу там не был. Но наверняка все хорошо, дерутся со степными орками,

торгуют, скукотище, наверное, – неуверенно произнес он. – По крайней мере, до меня не доходили никакие негативные слухи. Ты лучше про себя расскажи, с каких это ты пор нападаешь на мирных путников.

– О, это старая, глупая и дурацкая история.

– У нас впереди почти вечность.

– Ты всегда так высокопарно рассуждал, – фыркнула Кирия. – Знаешь, я приглашаю тебя в гости в мое, так сказать, лежбище, если ты, конечно, не против.

– Шутишь, я не видел тебя столько времени, думаю, все мои дела вполне могут немного подождать, а если и не могут, то им же хуже.

– Тогда мы бросаем сейчас карету и едем верхом ко мне.

– Вперед!

Через полчаса они оказались чуть ли не в самом центре Рижского леса, где среди крон деревьев был разбит настоящий разбойничий лагерь. Человек пятнадцать одетых кто во что горазд бородатых мужчин встали от дымящих костров навстречу прибывшим.

– Ну что, как улов? – раздалось вокруг.

– Добычи нет, зато есть друг и дорогой гость.

Раздался вздох разочарования.

– Спокойно, сегодня гуляем.

– Тогда другое дело, – развеселилась толпа.

– Пойдем, Милиус, вон мой маленький домик на дереве.

И действительно, если хорошенько приглядеться, можно было рассмотреть в кроне дерева сооружение, больше похожее на свитый из зеленеющих веток шалаш. Забравшись наверх, Милиус увидел, что внутри он довольно уютный и достаточно просторный даже для двоих.

– Сама устроила? – развел он вокруг руками.

– Нет, пригласила Херберта из Долины, – рассмеялась Кирия, – конечно сама, между прочим, не так уж это и сложно.

– Ну не знаю, у меня никогда не получалось договориться с деревом.

– Ладно, присаживайся, – она кивнула на что-то больше похожее на топчан, покрытый толстым одеялом, – к сожалению, с мебелью у меня напряженка.

И действительно, помимо топчана тут примостился маленький столик и что-то среднее между крохотным шкафом и комодом. Открыв это непонятное сооружение, Кирия выставила на стол вина, печенье и сухофрукты.

– Извини, это все что у меня есть, если хочешь, могу поднять тебе что-нибудь, но там, по-моему, только мясо, а ты, насколько помню, его никогда не ел.

– Знаешь, путешествуя по миру, я приучился есть всего помаленьку. Спутник, отвергающий пищу, вызывает опасения и недоверие у окружающих. А при моей профессии – это совсем не желательно.

– Ну да, ты же всегда мечтал быть бардом. Что ты делал на дороге?

– Если говорить точно, то я спал, пока ты не разбудила меня своим появлением. А вообще, я ехал в Талио. Поступаю в университет. Мне один мэтр, по просьбе моего учителя, выписал рекомендации нынешнему ректору.

– Тебе что, не хватило учебы в Долине? – удивленно спросила Кирия.

– Ты не понимаешь, говорят, студенчество – это самая лучшая пора в человеческой жизни. С ними весело, это будет новый этап в моем путешествии и новый цикл моих песен. Знаешь, я ведь не только в замках выступаю, но и на простых сельских праздниках. Это так здорово, когда люди тебя помнят, когда твои песни расходятся по свету.

– Ну-ка, давай по порядку, сам говорил – времени у тебя целая вечность, вот и посвяти мне ее кусочек.

– Изволь, с чего бы начать? – улыбнулся Милиус. – Ну, то что, твой побег вызвал у меня бурю эмоций, от обиды, что ты сбежала без меня, до легкого непонимания. Почему, я говорить не буду. Просто через некоторое время я понял, что жизнь в Долине без твоего присутствия довольно пресна и не приносит никакого морального и физического удовлетворения. Меня гнела моя ненужность Долине, моя неспособность занять себя чем-то действительным полезным. Да, к тому же, твой поступок всегда стоял у меня перед глазами. В конце концов, я решил последовать твоему примеру, но, понимая всю сложность предстоящего пути, решил заручиться некоторыми предметами, несколько облегчающими человеческую жизнь.

– Если можно, то подробнее об этих предметах, – кивнула Кирия, подливая ему вина.

– Я достал себе рекомендации для поступления в школу изящной словесности, прикинувшись незаконнорожденным отпрыском одного из визийских баронов. Знаешь, ни к чему не обязывающая родословная. Во-первых, она практически настоящая. К тому же, высокородные господа не будут спешить заводить с тобой знакомства и стараться выдать за тебя своих дочерей, а посему особо интересоваться при встрече всеми моими предками. Хотя, если честно, я на всякий случай выучил всю свою родословную. Бастард не бастард, а свою родню надо знать, даже если она «липовая». Короче, особо можно не напрягаться по этому поводу, «папаша» мой помнит о моем существовании довольно смутно, «мамаша», так та давно уже померла, выпросив перед своей смертью признание моего существования у барона.

С другой – я хоть и не чета любому родовитому господину, но тоже человек не совсем простой, что очень помогает в дороге, да и не только в дороге. Везде простой люд относится к этому очень даже с пониманием.

Во-вторых, с собой в путешествие я взял довольно неплохую сумму денег, что очень мне помогло, жизнь штука очень дорогая, а к лишениям я как-то не готов. Поэтому я просто обратился к отцу и попросил его об этом. Он дал мне без лишних разговоров, даже не спросив для чего.

– С этим все понятно, ты основательно подготовился к побегу, надо отдать тебе должное, мне на это ума не хватило, отсюда и некоторые проблемы в моей, так сказать, взрослой жизни, – грустно кивнула Кирия.

– Ты имеешь в виду то, что ты оказалась здесь? – Милиус указал на шалаш.

– Да нет, то, что я оказалась тут с этими ребятами, это моя ошибка, но ты давай, не отвлекайся, рассказывай.

– Я решил отправиться в Лавию. Знаешь, про эту школу словесности мне рассказал Ливонеэл, когда я поделился с ним своими сомнениями о моей полезности в этой жизни. Мало того, он вызвался помочь мне туда добраться, у него там проживал один знакомый человек, уж не знаю, как он с ним познакомился. Он мне очень сильно помог в моем путешествии, ведь, по сути, я совсем мало знал обычаи этих людей.

– Короче говоря, он практически за руку отвел тебя в Лавию и сдал на руки преподавателям этой школы словесности. Он, поди, еще и жил с тобой, чтобы ты не наделал глупостей, – фыркнула Кирия.

– Ну да, несколько месяцев он жил в одном со мной доме, но ты пойми, он гостил у своего друга, и ни о какой опеке речь не шла. Я был предоставлен сам себе, а через несколько месяцев он и вообще уехал.

– Ладно уж, беглец, давай рассказывай дальше.

– Да про учебу и рассказывать-то особо нечего. Конечно, интересно выслушивать лекции от одного из самых знаменитых бардов, но особых знаний он мне не добавил. Хотя я, наверное, несправедлив, некоторые основы он нам попытался преподать, но, сама понимаешь, после учебы в Долине это было даже несколько смешно. Хотя нет, скорее, интересно и весело. Особенно мне нравилось, когда он рассказывал нам о времени и местах, где он сочинил тот

или иной великий стих, а потом мы разбирали его слоги на составляющие, пытаясь объяснить, почему тут надо было поставить именно эту рифму.

– И сколько у него училось желающих прикоснуться к «великому»?

– Нас было всего девять учеников и жили мы у мэтра на полном пансионе. Знаешь, ведь он действительно великий бард. Он побывал чуть ли не на всех войнах, которые были в его время, а рыцарские походы он вообще насчитывал десятками. Рыцари считали за честь пригласить его следовать с ними на турнир или встречу с каким-нибудь ужасным гадом.

– Ага, ладно, я так понимаю, ты был очарован его поэзией, и твое желание идти по его пути только усилилось?

– Конечно, я всегда считал, что это и есть мое призвание.

– Согласна, по мне, ты и так писал прекрасные стихи, а пел так вообще лучше всех, не понимаю, зачем тебе была нужна эта канитель с учебой?

– Мало быть талантливым, надо еще уметь пробиться наверх к успеху, а положительные рекомендации мэтра – это гарантия, что тебя примут в любом богатом доме.

– Понятно, расскажи, как ты там все же жил, в этой своей Лавии, про учебу мне как-то все более-менее понятно.

Часть I.
Мил

Ученик

Самое южное государство в восточной Ловерии – Лавия. Страна, уступающая своими размерами только Андрии и Визии. Зажатая с востока Великими, а с юга Неприступными горами, откуда, кстати, и начиналась Старая Дорога, Лавия граничила на севере с королевством Испа и графством Борн. Что находилось на востоке от Лавии, особых вопросов не имело, через несколько тысяч миль там начинались великие степи, а вот что находилось за Неприступными горами, узнать пока не удавалось ни одному человеку. Говорят, там, за ними, начиналась страна гномов, а еще дальше – великая страна эльфов. Но ни со стороны Лавии, ни со стороны моря, что омывало западный берег, никакого прохода в эти легендарные земли не было, поэтому доказательств вышесказанному, к сожалению, нет. И все это можно считать красивой сказкой, которую люди всеми силами пытаются выдать за правду.

Лавия была знаменита двумя своими столицами. Официальным и напыщенным Лавийском – оплотом аристократии и государственности, куда стремились все мечтающие посвятить себя государственной или военной службе. А также более деловой и независимой Марииной, бывшей некогда вольным городом и во многом и оставшейся им, несмотря на свою вассальную зависимость правящей династии.

Свои вольности Мариина оплачивала содержанием военного морского флота, который довольно больно бил по карману местных купцов, оплачивающих не только содержание судов, но и оплату их экипажей. Военный флот, в оправдание ему будет сказано, свел на нет все посягательства островных пиратов на земли герцогства. Иногда военные суда сопровождали особо ценные грузы, особенно когда часть этого груза являлась собственностью короны, и тогда плаванье проходило для счастливых купцов более спокойно. Но такие альянсы были редки и не вызывали энтузиазма у бравых военных, считавших чуть ли не за бесчестие сопровождать «утлые суденышки никчемных торгашей».

Именно про Мариину начал свой рассказ Милиус, когда принялся описывать свою жизнь у мэтра Бурана.

Когда-то на заре своей молодости, попав в суровые северные города Ловерии, мэтр чуть не закончил свою только начавшуюся жизнь барда в холодном колючем снежном буране, и в память об этих испытаниях он и взял это странное имя, так прочно закрепившееся за ним впоследствии. Став в конце своей поэтической карьеры придворным бардом или, вернее сказать, менестрелем, он посвятил остатки своей жизни прославлению подвигов своего господина, наивно мечтая встретить свою старость в столице, в замке, где он провел столько лет.

Но вот на престол взошел молодой и амбициозный Карл – сын прежнего правителя, и бывший бард был отправлен в отставку. «Может, это и правильно, – вздыхал старый мэтр, – ни к чему ему постоянно видеть дряхлого старика, молодость любит видеть вокруг себя красивые лица».

Уехав из Лавийска в Мариину, он основал школу «изящной словесности», где каждый год обучал на полном пансионе с десяток человек. Школа была не из дешевых, зато по окончанию двухгодичного цикла выдавалась рекомендация самого мэтра, имя которого еще помнили во всей западной Ловерии.

– Привет, Мил, ты куда отправился в такую ужасающую жару?

Два молодых человека столкнулись в узком мощеном переулке, несколько удивленные встречей друг с другом. Оба были в белых льняных рубашках с замысловатой вышивкой на левом плече, состоящей из четырех элементов: бегущего коня, на спине которого расположились стилизованные меч, перекрещенный с лютней, одним из самых любимых бардами инструментов, и вплетенный в гриву коня цветок алой розы. Эта красивая строгая вышивка заставляла выглядеть простую, ничем не привлекательную рубашку более элегантно, чем обычные, в которых ходило большинство мастерового люда. Чуть более темные и плотные штаны и сандалии на босу ногу заставляли этих молодых людей выглядеть как близнецы, если бы не различия, которые сразу бросались в глаза.

Один из них, которого собеседник назвал Мил, имел черные волосы, светлую кожу, зеленые пронзительные глаза, идеально правильные черты лица и удивительно красивые кисти рук с длинными «музыкальными» пальцами.

Другой – кареглазый, с более светлой шевелюрой, с загоревшим на солнце, почти коричневым лицом, огромными кистями, больше подходившими для взрослого человека, чем для юноши. Оба были в шляпах с широкими полями, прикрывавшими их головы от действительно безжалостно слепящего солнца.

– Привет, Лев, – произнес Мил бархатистым голосом, которому мог позавидовать любой профессиональный придворный певец. – Я думал, ты сидишь в комнате и сочиняешь балладу о том, как старик принимал участие в походе покойного герцога.

– Ну уж нет! Для такого глобального произведения у меня просто не хватает чувства юмора. Пока сиеста, я решил смотаться к рыбакам и заказать рыбу на завтра, ты же помнишь, я сегодня на хозяйстве.

– Была тебе охота бежать в такую жару, можно было и вечера дождаться.

– Ха! Вечером у меня совсем другие планы, и дорога к этим планам лежит в стороне от рыбацкого поселка.

– Жасмин?

– Точно. Ну а ты что тут делаешь?

– Да я попался под руку старику, и когда он спросил, почему я не пишу, я по глупости признался ему, что уже все сделал. Он забрал свиток, а меня отправил в дом к мэру, чтобы передать свои новые стихи для его дочери.

– Повезло, – протянул Лев, – говорят, она красотка.

– Может быть. Не думаю, что меня ей представят, – легкомысленно пожал плечами Мил.

– Кто его знает. Ладно, я побежал. Хочу еще искупаться, а то от этой жары можно просто одуреть.

– Удачи.

– И тебе тоже.

Молодые люди разбежались в разные стороны, каждый по своей важной надобности, стараясь держаться теневой стороны узких улиц, чтобы хоть немного спрятаться от этого изнуряющего пекла. Тот, у которого было имя Мил, не особо торопясь, направился к центру, который располагался на холме и был самой старой частью этого удивительного города. Когда-то крепостная стена опоясывала вершину этого холма, за которым росла и развивалась Мариина, разросшаяся со временем до нынешних размеров.

Сейчас в центре города селилась только местная аристократия, могущая себе позволить жить в роскоши и довольствии. Мэр, главы купеческих гильдий и военная элита – все они проживали в старом городе, с высоты холма и своего положения высокомерно поглядывая на живущих под холмом людей. Вся деловая жизнь протекала там, внизу, и даже новая мэрия располагалась ближе к порту, в самые гуще постройки. Центр же был районом праздного веселья. Тем не менее вход в старый город был открыт для любого горожанина, как бы давая понять, что богатый люд тоже считает себя частью этого некогда вольного города.

Проплутав с полчаса по старинным гулким улицам с дорогими магазинами и мастерскими, молодой человек добрался, наконец, до дома мэра и был неожиданно остановлен вооруженным абордажной саблей моряком, одетым в бело-голубой камзол и штаны.

– Стой, куда прешь? – пробасил моряк, остановив попытку Мила открыть маленькую дверь во двор искомого дома.

– Я от мэтра Бурана с посланием к мэру, – опешил Мил.

– А почто не к парадному входу, раз с посланием?

– Мэтр Буран сказал: «Невелика птица, зайдешь и с маленького входа», – пожал плечами юноша.

– Невелика, это точно, – хохотнул моряк, который был в полтора раза крупнее Мила. – Сегодня тут проход лишь прислуге господина мэра.

– Он что, арестован?

– Скажешь тоже! У него в гостях наместник, так что ты давай, проваливай, позже придешь.

– Позже не могу, мне хотелось бы сейчас.

– Мало ли чего бы тебе хотелось, – обомлел от такой наглости моряк, – сказал проваливай.

Мил отскочил в сторону и, поразмыслив, направился к центральному входу. У кованых ворот на него уставились сразу два моряка, как близнецы-братья похожие на предыдущего.

– Кто таков?

– Я от мэтра Бурана с посланием к мэру, – повторил Мил, не надеясь на успех предпринятого им демарша.

– У мэра в гостях его превосходительство господин наместник, – более дружелюбно произнес один из них, – так что или приходи позже, или жди, когда он отбудет.

– А долго он пробудет?

– Про то, кроме господина наместника, никому более не ведомо, – пожал плечами моряк, – но по-любому отойди в сторону.

– Вот еще, – раздался девичий голос за спиной моряков, – это почему посланник господина Бурана должен дожидаться на такой жаре только потому, что господину наместнику припекло побеседовать с папенькой?

К воротам подошло очаровательное создание в роскошном голубом платье и в такой же голубой шляпке на голове. Ее гордо вздернутый носик на смуглом лице не сулил ничего хорошего моряку.

– Я требую, чтобы его немедленно пропустили. Я жду этого послания с самого утра, – топнула она ножкой.

Моряк пожал плечами и, засунув два пальца в рот, неожиданно громко свистнул.

– И что? – спросила неугомонная девица в ответ на этот свист.

Моряк вновь пожал плечами и уставился куда-то в сторону от юноши.

– Почему вы молчите? – капризно спросила она.

– Потому, леди, – послышался чуть запыхавшийся голос мужчины, быстрым шагом приближающимся к ним, – что охране запрещено спорить с Вами. А я готов выполнить все Ваши пожелания.

– В таком случае прикажите пропустить этого молодого человека, который принес важные для меня бумаги.

– Он Ваш знакомый?

– Нет, лейтенант, я вижу его впервые, но он сказал, что прибыл по поручению господина Бурана.

– И Вы считаете, что этих слов достаточно, чтобы охрана пропустила его?

– Конечно, не думаете ли Вы, что ему надо было бы притащить с собой ворох рекомендательных писем?

– Конечно же нет, просто согласно уложений о караульной службе во время присутствия наместника на светском мероприятии или официальной встрече незнакомые лица не допускаются без разрешения наместника или начальника охраны.

– Вот и допускайте, Вы ведь являетесь начальником охраны?

– Не совсем так, леди, я являюсь на данный момент лишь начальником караула…

– Мне все равно, Вы меня утомили, – и это милое создание, вздернув носик, отвернулась от лейтенанта.

– А Вы не можете передать мне послание? – обратился лейтенант к стоящему Милу. – Обязуюсь немедленно передать его господину мэру.

– К сожалению, господин лейтенант, мэтр строго наказал мне отдать письмо только в руки господина мэра, – не моргнув глазом соврал Мил, бессовестным образом пялясь на юную девицу, которая своей красотой поразила его в самое сердце.

За эти слова он был удостоен улыбки этой девицы, которая, надо отметить, была настолько быстротечной, что можно было засомневаться в ее реальности.

– Так что, господин Кавер? – сурово посмотрела она на лейтенанта.

– Конвой, – громко произнес он себе за спину.

Буквально через мгновение к нему подбежали два моряка, и лейтенант дал команду открыть ворота.

– Прошу Вас, молодой человек, я, с Вашего позволения, Вас провожу.

Вся процессия без особых приключений добралась до входа в дом, далее по широкой лестнице на второй этаж, по узкому коридору налево до просторной приемной, где процессия остановилась.

Лейтенант что-то шепнул стоящему у входа лакею, тот поклонился и вошел в комнату. Через некоторое время он вышел в сопровождении пожилого мужчины в сером костюме, покрой которого выдавал в нем военного офицера.

– Капитан, прошу прощения, что позволил оторвать Вас от важного совещания, но леди настаивает, чтобы этот молодой человек передал господину мэру какое-то важное письмо.

Мгновенно сориентировавшись в обстановке, капитан жестом предложил Милу пройти в залу.

Пропустив вперед леди, Мил проследовал за ней и очутился в просторной зале, по стенам которой висели портреты мужчин, а посреди комнаты стоял длинный стол, уставленный с обеих сторон стульями. На столе лежала развернутая морская карта, а возле стола стояли два человека, один из них был наместник герцога, граф Волер, а другой – бессменный мэр славного города Мариина.

– В чем дело, Освальт? – удивленно произнес граф.

– Леди Алиса настаивает, что этот молодой человек принес важное послание господину мэру, и я позволил себе прервать Ваше совещание, прошу прощения, господин наместник, – капитан склонил голову.

– Конечно, конечно, – воскликнул наместник, – леди Алиса вправе требовать от нас выполнение всех своих пожеланий. Пожалуйста, молодой человек, – он кивнул Милу и тактично отошел к стене, рассматривая одну из висевших там картин.

– Слушаю Вас, молодой человек, – кивнул господин фон Брах, мэр Мариины, явно обрадованный передышкой, данной ему наместником.

В отличие от графа, который был еще довольно молод, мэр был уже преклонных лет, и, передавая ему письмо, Мил почувствовал себя мальчишкой и, несколько устыдившись всей той комедии, одним из актеров которой он стал, как можно почтительнее поклонился ему и представился.

– А Вы вежливый молодой человек, – кивнул мэр, разворачивая свиток. – А то сейчас молодежь по большей мере дерзкая и неуступчивая. О, Алиса, это письмо скорее тебе, чем мне. По-моему, это какая-то баллада, держи, я все равно ничего не понимаю в этой поэзии.

Он протянул ей свиток и, обратившись к Милу, произнес:

– Благодарю Вас, молодой человек, могу я Вам чего-нибудь предложить?

– Если только попить, на улице такая жара.

– Алиса, будь добра, проводи молодого человека в столовую и предложи чего-нибудь, а еще лучше – угости его цитрусами, они хорошо утоляют жажду. Нет, капитан, не надо звать стражу, – отрицательно покивал он на попытку капитана пройти к двери. – Алиса отлично справится сама, ведь после кончины моей милой супруги она взвалила на себя всю ношу домашнего хозяйства.

Алиса схватила за руку Мила и, выйдя вместе с ним за двери, небрежно кивнула лейтенанту:

– Расслабьтесь, Кавер, Ваша помощь больше не нужна.

На что лейтенант хладнокровно склонил голову.

– Идемте, Мил, – невозмутимо предложила она молодому человеку.

Девушка повела его по прохладным коридорам и, заведя в большую комнату, которая, по-видимому, и была искомой столовой, усадила за стол. Подойдя к высокому резному буфету, достала оттуда зеленые лимоны, которые собственноручно выжала в графин, смешала несколько ингредиентов из разных кувшинов, перемешала все это и, налив полученную смесь в высокий фужер, протянула его Милу.

– Пейте, не бойтесь, – с озорной усмешкой произнесла она, – еще ни один не умер от моего фирменного напитка.

– Леди, из Ваших рук я готов выпить что угодно, – слегка поклонился Мил.

Он пригубил напиток, который действительно был освежающе приятен и содержал, по-видимому, кроме лимонов еще и мятную настойку и еще что-то столь же вкусное, напоминающее карамель.

– Восхитительный напиток, – проговорил он в ответ на ее немой вопрос.

– Еще бы! Одна знахарка пообещала мне, что любой, испивший это, будет влюблен в меня без памяти. Правда, надо нашептать еще кой-какое заклинание, но на это я не решусь, наверное, никогда, что я потом буду делать с толпами поклонников, – она звонко расхохоталась и потянула его за руку. – Если Вы напились, то пойдемте, я провожу Вас.

– Как жаль, что минуты нашей с Вами встречи были так мимолетны, – вздохнул Мил, допивая напиток и ставя бокал на стол, – Вы как сказочный сон, потревожили сознание и исчезли.

– А Вы поэт еще, наверное, почище Вашего мэтра, – засмеялась Алиса, открывая дверь и провожая молодого человека до ворот. – Знаете что, приходите в выходные на бал, я пришлю Вам приглашение, будет весело. Вы споете нам свои баллады, девочки будут в восторге.

– Ваше приглашение очень лестно для меня, леди, – чуть покраснел от удовольствия Мил.

– Вот и договорились. До свидания, господин бард, – Алиса склонилась в шутливом реверансе, развернулась на своих каблучках и, что-то напевая своим звонким голосом, убежала в дом.

А Мил в восторге от таких радужных перспектив припустился к дому мэтра.

Известие о предстоящем бале и присутствии на нем, правда, пока еще гипотетическом, ученика мэтра привело в смятение всех учеников мэтра Бурана. Сам мэтр давно уже не принимал участия в таких мероприятиях, но это известие привело его в такое волнение, будто это он сам должен был там присутствовать и петь свои баллады. На общем собрании было решено, что Мил споет серенаду, посвященную красоте хозяйки бала, в честь совершеннолетия кото-

рой и было замышлено торжество, и балладу о рыцаре, готового в любой момент отразить нападения любого врага.

Каждый ученик должен был представить свой вариант серенады или баллады, а мэтр Буран – выбрать лучшие произведения. В связи с этим были приостановлены все остальные занятия, кроме фехтования и выездки, поскольку физические упражнения благотворно действуют на умственные способности.

Время шло, а пригласительного все не было, и Мил начал уже беспокоиться, не было ли это приглашение маленькой озорной шуткой взбалмошной девицы, как за день до бала посыльный принес пакет на имя мэтра Бурана для господина Милл И'Усса. Именно так звучало имя Мила в книге записей мэтра.

– Ну что делать, Мил, – пожал плечами мэтр, – думаю, это судьба. Честно говоря, я не был готов назвать твое бардовское имя мэру по простой причине – у тебя его еще нет, поэтому ты начнешь свою карьеру под своим настоящем именем. Это наложит на тебя особую ответственность за сохранение его в чистоте, но так даже лучше. При твоем таланте и незаурядной внешности очень просто скатиться с вершин славы, куда вы все, несомненно, будете стремиться. А родовое имя есть родовое имя, даже если ты всего лишь бастард. Даже так – особенно если ты бастард.

Затем речь мэтра переросла в пространное поучение о том, как надо себя вести на балу, каковы основные правила этикета и все это растянулось не на один час. По окончании пространного спича Мил был отправлен к местному портному, который должен был подогнать праздничный костюм юноши. По договорённости с мэтром он состоял из шелковой белой рубашки, роскошь, которую не каждый мог себе позволить, черных штанов, отливавших на солнце многочисленными блестками, и черной замшевой куртки. На ногах юноши были мягкие невысокие сапожки, а на голове – черная с плюмажем шляпа.

Наряд наделал фурор во всей школе, и на него образовалась очередь желающих поносить после бала. В этом не было ничего удивительного, поскольку в школе не считалось зазорным носить вещи друг друга. Мало того – это было естественным, и многие, собираясь навестить вечерами своих тайных подруг, собирали у своих друзей самые лучшие вещи.

Вообще, отлучки в город не были явлением столь удивительным, и чаще всего, когда не было занятий, каждый желающий без особых проблем получал разрешение у мэтра на совершение маленькой прогулки. Мэтр не считал нужным устраивать из своего пансиона казарму. Но вот ночные прогулки не одобрял и грозился «отправить домой каждого, кто попадется на этом деле». И действительно, более-менее мирный и законопослушный днем город ночью таил угрозу, без преувеличения можно было бы сказать смертельную, юным обитателям школы.

Но тем не менее некоторые сорвиголовы выбирались поздним вечером в город, чтобы насладиться его ночной свободой Но, то ли судьба хранила этих юных сорванцов, то ли они сами вели себя осторожно, но ни разу за существование «школы изящной словесности» с ее обитателями не случалось непоправимой беды.

Между тем, время бала настало, и под завистливые взгляды друзей Мил легко взобрался на черную лошадь, на седле которой был изображен вышеописанный символ бардов, и, поправив на правом бедре шестигранный парадный эсток с золоченой гардой, с дрожащим от возбуждения сердцем тронул каблуками бока лошади. Та покорно отозвалась и в вечерней прохладе легко понесла своего всадника к долгожданной цели.

У ворот дома мэра он легко спрыгнул из седла и отдал подскочившему к нему слуге поводья. Предъявив на входе во двор свое приглашение, он дождался своей очереди и, не спеша, прошел в дом. На первых ступенях широкой лестницы, ведущей на второй этаж, стояло небесное создание в белоснежном платье с рассыпанными по плечам волосами.

– Рада Вас видеть, господин Милл И'Усс, – усмехнулась она, заметив его изумленный взгляд на нее, – что, неужели мой напиток так на Вас подействовал.

– Еще бы, леди, я практически потерял аппетит, вспоминая ваш облик, и с наслаждением отдавался снам, потому что вновь и вновь видел в них Вас в Вашем обворожительном синем платье, в котором я увидел Вас впервые. Увы, мое сердце разрывается от любви к Вам, понимая всю тщетность моих надежд.

– Почему «увы»? Я еще не отвергла Вас, господин Милл И'Усс, а значит у Вас остается хоть какая-то надежда, в отличие от других, – громко засмеялась Алиса, – ведь правда, господин Кавер? – обернулась она к молодому лейтенанту, стоящему неподалеку от нее.

– Совершенно верно, леди, – не моргнув глазом, произнес тот, – у этого молодого человека, по-видимому, все ещё впереди, – хладнокровно отпарировал он.

– Вы споете для меня, господин бард? – произнесла она, словно не услышав язвительности лейтенанта.

– Несомненно, леди. И это будут самые страстные слова на этом балу, – чуть опустив голову, произнес Мил.

– Отлично, – кивнула она и, улыбнувшись ему обворожительной улыбкой, повернулась в сторону подошедшей пожилой паре.

– Будьте любезны пройти в зал, – предложил Милу, разряженный в голубые тона слуга, указывая на открытые двери дома.

Войдя в залу, Мил был вынужден оценить богатство, с каким она была украшена. Стены были задрапированы голубой тканью, открытые окна занавешены белыми легкими шторами, а по периметру комнаты расставлены синие стулья, которые в большинстве своем были свободны, так как почти все присутствующие, разбившись на кучки, жадно общались друг с другом. Пол был покрыт деревянным паркетом, натертым до блеска, а с потолка свисали огромные золотистые люстры с зажженными в них десятками свечей.

– Господин бард, – окликнул его одетый в черный камзол с белой рубахой человек, – я распорядитель бала, Вы намерены поздравить леди Алису?

– Да, конечно, я собираюсь спеть ей серенаду и еще приготовил рыцарскую балладу.

– Замечательно, Ваш номер седьмой, после глав гильдии купцов, пожалуйста, не перепутайте и внимательно следите за моими объявлениями. А балладу Вы споете, когда гости перейдут к праздничному столу. Только где Ваш инструмент?

– Я, к сожалению, оставил его в седельном мешке, – сокрушенно покачал головой Мил.

– Ничего страшного, сейчас Вам его принесут. У дверей залы, через которую Вы вошли, в стене есть маленькая ниша, задрапированная тканью, там вы можете подождать и, если понадобится, настроить инструмент. Госпожа Алиса будет сидеть у противоположной стены от дверей, поэтому Вам необходимо пройти до середины залы и уже там пропеть свою серенаду. По бокам столпятся приглашенные, а в середине будет проход, по которому будут передвигаться поздравляющие. После того как Вы споете, Вы можете отойти в левую сторону, где стоят купцы и ремесленники. Справа будут стоять военные и аристократия, думаю, Вам к ним не надо.

– Я все понял, – кивнул Мил. – Как скоро начнется церемония поздравления?

– Как только прибудет наместник. После того как приглашенные рассядутся за столом, их будут развлекать музыканты и шуты. Вас же я приглашу отдельно, поэтому за столом Ваше место с самого краю, у торца стола со стороны стены, чтобы Вы, не привлекая внимания и не беспокоя соседей, могли выйти, чтобы спеть свою балладу. Поэтому, когда пригласят к столу, не торопитесь заходить, Ваше место не займут.

– Хорошо, – кивнул Мил, опешивший от такого обилия указаний.

– После окончания обеда, который продолжится где-то около часа, будут танцы в этой же зале или игры во дворе у фонтана. Но имейте в виду, что Вас могут попросить сыграть еще что-

нибудь. Было бы замечательно, если бы Вы были к этому готовы, – закончил свой инструктаж распорядитель.

– Хорошо, я понял, – кивнул головой Мил.

Через некоторое время слуга принес ему лютню, и Мил отошел в указанную нишу, чтобы еще раз проверить инструмент.

Через час внезапно все замолчали, распорядитель громко озвучил прибытие наместника, и началось торжество. Сначала поздравил наместник. Его речь длилась минут десять и навела скуку на всех своей напыщенностью и лестью. Затем вышел мэр и тепло поблагодарил дочь за ту радость, которую она дарит ему своим присутствием. Он под легкие аплодисменты зала со словами «ты теперь взрослая девушка» перевязал ей белой лентой распущенные волосы, что, по-видимому, должно было символизировать вступление во взрослую жизнь. Затем выступали главы гильдий, как один пожелавшие ей найти себе спутника жизни, счастья и уют в браке.

– Номер семь, – тихонько произнес распорядитель и ободряюще кивнул Милу. Тот, помедлив несколько мгновений, вышел на середину залы и, опустившись на одно колено, негромким голосом произнес:

– Леди, мне посчастливилось присутствовать сейчас на этом празднике великолепия и красоты, празднике, который сверкает Вашей молодостью и искренностью. Вы настолько прекрасны, что обыкновенные слова просто меркнут перед Вашим очарование, а чувства, не находя нужных фраз, превращаются в звуки мелодии.

Узнав, что я удостоен Вашего приглашения на этот изумительный праздник, мэтр Буран объявил конкурс, чтобы выявить лучшее произведение, которое могло бы хоть немного приблизиться к описанию Вашей красоты. Я рад, что мне посчастливилось победить в этом конкурсе, и я имею возможность представить на Ваш суд мое первое публичное выступление. Позвольте спеть Вам серенаду в Вашу честь, чтобы хоть немного отплатить Вам за счастье глядеть на Вас, наслаждаться Вашим прекрасным обликом, вслушиваться в Ваш чарующий голос.

Дождавшись, когда чуть смутившаяся его словами Алиса кивнула ему, разрешая начать, Мил стал тихонько перебирать струны на своей лютне, извлекая из нее первые аккорды. Вот зал заполнился его голосом, и перешептывающиеся люди вдруг с изумлением замолчали, невольно вслушиваясь в чарующие звуки, воспевавшие красоту самой прекрасной девушки на земле.

– Что это за новое явление в жизни нашего тихого города? – прошептал наместник своему капитану.

– Разве Вы не помните, милорд, это тот нагловатый молодой человек, которого я вынужден был давеча впустить в дом мэра, в то время как Вы вели с ним переговоры о выделении средств на усиление береговой линии. Вы велели потакать всем капризам леди Алисы, и я не стал с ней спорить в тот момент.

– Я не виню Вас капитан, Вы все сделали правильно, и так леди Алиса изволит дуться на меня. Просто в тот раз я почти дожал мэра, а этот мальчишка появился очень даже не вовремя, и рыбка, к сожалению, сорвалась с крючка. А он наглец, этот маленький бард, под видом серенады он, по моему мнению, нагло объясняется в любви леди Алисе, и, клянусь, ей это нравится.

– Я думаю, Вы ошибаетесь, милорд, – хладнокровно сказал капитан, – это действительно просто серенада, хотя, надо отметить, он исполняет ее отменно и несколько дерзко.

– Вот именно, «дерзко», капитан! И это меня раздражает.

– Хотите, чтобы я принял к этому молодому человеку какие-нибудь меры, Ваше сиятельство? – тихо спросил капитан.

– Пока нет. Во всем мире барды, как и глашатаи, пользуются негласной неприкосновенностью, хотя он еще, собственно, и не бард, а так – ученик. Приглядите за ним, капитан.

– Хорошо, Ваше сиятельство.

Тем временем серенада закончилась. Мил постоял еще несколько мгновений на колене, затем поднялся, поклонился девушке и в полном молчании отступил.

– Спасибо, господин Милл И'Усс, – взволнованным тоном произнесла Алиса, – это так приятно, когда в честь тебя поют серенады. Надеюсь, Вы не забудете ту, которой посвятили свою первую, я имею в виду, когда слава захлестнет Вас, как волна корабль в бушующем океане. Видите, я тоже могу говорить красиво и напыщенно, – не удержавшись, уколола его Алиса.

– Кто бы в этом сомневался, леди, я никогда бы не рискнул вступить с Вами в противоборство в красноречии, так как мгновенно потерпел бы поражение, – Мил еще раз поклонился и смешался с присутствующими гостями, которые с уважением расступились перед ним.

Наконец, торжественная часть была закончена, и гости прошли в следующее помещение, где их ждал накрытый стол. Тут поднимались заздравные кубки в честь именинницы, и Мил, согласно озвученному распорядку, спел свою балладу, которую половина гостей не расслышала, потому как беседовала со своими соседями или просто ела.

– Ужасно! Они даже не повернули ко мне головы, – сокрушался Мил, – такое впечатление, что моя баллада не была даже услышана.

Расстроенный и несколько рассерженный, он незаметно вышел из залы и спустился с лестницы

– Что, уже уходите? – раздался знакомый голос.

К Милу подошел уже знакомый ему лейтенант.

– А зря, – продолжил он, – сейчас начнется самое веселье. Почтенные отцы семейств перейдут на открытую площадку с той стороны дома, чтобы вкусить свежего воздуха, я говорю о тех, кто не склонен к пагубной привычке глотать дым. Заодно и присмотрят за своими чадами, которые наверняка устроят какие-нибудь игры у фонтана. Благородные дамы пройдут в бальный зал и будут приглядывать за теми, кто увлечен танцами.

– Я тут ни с кем не знаком и, думаю, буду неловок в танцах и смешон в играх.

– Вы плохо танцуете, господин бард?

– Ну, как сказать. В тех местах, откуда я родом, танцуют совершенно по-другому, и я не могу привыкнуть к тем жеманным пируэтам, которым нас учит мэтр.

– Мэтр? Бьюсь об заклад, он учит Вас танцам своих бабушек. Наймите себе хорошего учителя современных танцев, это отнюдь не так дорого, как может показаться. Дамы любят танцевать.

– Спасибо, лейтенант, я запомню Ваш совет, – проговорил Мил, собираясь продолжить дальнейшее движение.

– И еще, господин бард, – понизил голос лейтенант, – наймите себе хорошего учителя фехтования, если Вы собираетесь и далее бывать в доме господина мэра.

– Благодарю за совет, лейтенант, – поклонился Мил, – фехтование входит в программу нашего обучения, не скажу, что я мастер в этом виде воинского искусства, но будьте спокойны, я могу за себя постоять.

– Надеюсь, что это так, господин бард. К Вашему большому несчастью, Вас обучают бою на мечах, а местные тайные убийцы используют по большей мере кинжалы или степные сабли – они гораздо легче и стремительнее, а учитывая, что погодные условия несколько ограничивают нас в ношении брони, то они, несомненно, имеют преимущество в стычке.

Вот, например, Ваш эсток, оружие с довольно сомнительными преимуществами. Да, при благоприятных условиях может вполне пробить доспех, но кто у нас в городе носит доспех? В такую-то жару достаточно и простой кольчуги, чтобы подвергнуть себя довольно серьезным испытаниям. Но зато Ваш эсток однозначно проиграет моей сабле, а пробить кольчугу она может, не скажу, что легко, но с большой вероятностью. Ну а Вы и вообще без кольчуги.

– Вы хотите со мной сразиться? – опешил Мил.

– Я? Вот уж нет. Особенно если Вы сейчас дойдете до ворот и потребуете там себе коня. Я просто хочу Вас предупредить, что бы моя совесть была чиста – выбирайте себе оружие по обстоятельствам и будьте внимательны. Дружба с леди Алисой очень хлопотливая штука.

– Бросьте меня запугивать, лейтенант, – вспылил Мил, – я отлично могу за себя постоять, даже с эстоком против вашей сабли и в простом камзоле против вашей кольчуги, которую Вы не забыли надеть под рубашку.

– Мальчишка, – презрительно проговорил лейтенант, – моя кольчуга – это часть форменной одежды, которую я вынужден носить по протоколу. Посмотрел бы я, как бы ты чувствовал себя в ней в жару. Ты что же, подумал, что я надел ее, чтобы сразиться с тобой?

Мил опешил и, помолчав несколько секунд, продолжил:

– Возможно, я не понял Ваших намерений, господин лейтенант, тогда прошу меня простить, но согласитесь, наш разговор несколько странен. Вы говорите либо слишком много, либо слишком мало, потому я не совсем понимаю Вас.

– Прощайте, господин бард, – поклонился лейтенант, – Вы вольны измываться над своей жизнью как того хотите, никто не может запретить Вам этого. Я же советую Вам – бегите отсюда.

Лейтенант отвернулся от Мила и отошел к краю парадной лестницы.

Мил, кивнув в ответ, сделал шаг в сторону ворот, но был остановлен окриком бегущего за ним слуги.

– Господин Милл И'Усс, прошу меня простить, но меня послала за Вами леди Алиса. Она обеспокоена Вашим отсутствием и просила передать, что очень бы хотела еще раз послушать Вашу серенаду со своими подругами в летней беседке у фонтанов, если Вы, конечно, не устали и не собрались уезжать.

– Нет, нисколько, уважаемый. Я в полном распоряжении леди. Будьте любезны, проводите меня в эту беседку, я, к сожалению, не знаком с вашим домом.

– Да, конечно, как Вы предпочтете пройти – через сад или через залу?

– Думаю, что через сад будет в самый раз.

– Следуйте за мной, господин Милл И'Усс.

Лейтенант покачал головой вслед удаляющейся паре и прошептал: «Несчастный, его или убьет гнев наместника, или несчастная любовь к этой ветренице. Даже не знаю, что предпочтительнее».

– Что Вы там бормочете, лейтенант? – послышался с лестницы голос капитана Освальта.

– Так, цитирую серенаду нашего юного барда, хочу напеть ее своей знакомой.

– Отлично. Действительно завораживающие слова. Все дамы без ума от этой серенады, он талантлив, наш юный бард. Кстати, он не проходил здесь?

– Проходил, господин капитан.

– Так он уехал? – облегченно выдохнул тот. – Замечательно.

– Не совсем так, господин капитан. Он действительно собирался покинуть бал, но был остановлен слугой леди Алисы, который сейчас провожает его к беседке у фонтанов, где, по его словам, леди Алиса и ее подруги хотят еще раз насладиться балладой господина Милл И'Усса.

– Да, не повезло. Было бы куда проще, если бы он просто уехал. Леди Алиса никогда бы ему этого не простила. Ну да не судьба. Хорошо, лейтенант, продолжайте службу, – с этими словами капитан развернулся и вошел в дом.

Войдя в зал, он окинул взглядом танцующие пары и, по-видимому, не увидев искомый объект, хмыкнул себе под нос и подошел к скучающему наместнику.

Тот сидел на одном из маленьких удобных диванчиков, которые слишком широки для одного и узки для двоих. Их в шутку называли «девичьи посиделки», так как две хрупкие девицы, если они, конечно, не при парадных платьях, спокойно там умещались без ущерба для

своего комфорта. По всей вероятности, влюбленные пары тоже чувствовали бы тут себя очень хорошо, но как бы посмотрело общество на такое отступление от правил хорошего тона?

Как бы там ни было, но наместник сидел на этом диванчике с откровенно скучающим видом и таким неласковым лицом, что распугал всех присутствующих. Это привело к тому, что на расстоянии нескольких шагов от него образовалось пустое пространство.

– Что, капитан, тоже разыскиваешь хозяйку бала? Могу тебя заверить, что она исчезла сразу после того, как протанцевала со мной один-единственный танец, который обязана мне согласно этикету. Я выходил на площадку, чтобы насладиться умными речами наших старейшин, но среди «порхающей» там молодежи ее тоже, к сожалению, не увидел.

– Думаю, что знаю, где она, милорд.

– Поделись со мной этим знанием, – чуть оживился наместник.

– Извольте. Она с подружками в летней беседке у фонтанов, слушает очередной опус нашего юного дарования.

– Вы имеете в виду этого ученика мэтра Бурана?

– Именно так, милорд.

– Я думал, он потихоньку исчез, понимая всю нелепость своего присутствия.

– Вы несправедливы к нему, милорд. Он спел замечательную балладу, и, если судить по отзывам, еще лучше ему удалась серенада. Дамы в восторге.

– За такие серенады его бы побили палками в Лавийске.

– Но, милорд, я конечно ничего не понимаю в поэзии, но не нашел в его серенаде ничего непристойного.

– А я и не говорю о непристойности. Но если бы в Лавийске незамужней девушке кто-нибудь рискнул спеть что-либо подобное, его высекли бы прямо на площади за излишнюю откровенность.

– По-моему, Вы ревнуете нашу милую хозяйку, милорд, – рассмеялся капитан.

– Ревную? Скажешь тоже! Да я просто в бешенстве! Пришел, чтобы насладиться ее обществом, а она сбежала от меня как от…

Наместник покрутил кистью руки, не находя удачного сравнения, затем замолк.

– Но, милорд, Вы же проболтали с ней весь обед.

– Скажешь тоже, «ой, милорд, смотрите, какой забавный шут, ой, какие пируэты выделывает тот танцор, ах, какие чудесные фокусы». И так весь обед. Она мне рта не дала раскрыть.

– Так в чем же дело? Пойдемте, найдем ее. Думаю, Ваше появление разгонит всех ее подруг, и Вы сможете насладиться разговором с ней.

– Но это дурной тон, являться без приглашения.

– Вот еще! Пусть ее отец покажет Вам свои чудесные фонтаны, которыми он так гордится.

– Ты прав, сидя здесь, я ничего не выигрываю. Иди, предупреди мэра, что я прямо жажду насладиться его фонтанами

– Хорошо, милорд.

– Ну милейший господин Милл И'Усс, ну пожалуйста, спойте нам еще раз эту замечательную серенаду, – юные барышни, небольшой стайкой уютно укрывшиеся в увитой плющом беседке, наперебой уговаривали молодого барда, не спускавшего взор с хозяйки вечера.

– Но я вам пел ее уже три раза, – безуспешно отбивался тот, искоса бросая взгляды на притихшую Алису.

– Ну, спойте ее в последний раз, ну пожалуйста.

– Ну, хорошо, – сдался Мил, – если только леди Алиса не возражает.

– Леди Алиса не возражает, – грустно покачала головой Алиса.

Молодой человек встал на одно колено, и из-под его пальцев полилась завораживающая музыка. Но не успел он произнести и пару слов, как послышался торжествующий голос наместника, который громко выговаривал мэру:

– Ну, вот видите, господин мэр, а Вы говорите, тут никого не может быть. А тут целое «тайное сообщество», по-видимому, любителей лютни.

– Алиса, – укоризненно произнес мэр, – разве позволительно хозяйке оставлять гостей?

– Прости, отец, – произнесла сконфуженно девушка, – но мне так захотелось еще раз послушать господина Милл И'Усса, поэтому я с моими подругами пригласила его сюда.

– Алиса, ты меня расстраиваешь. Правила хорошего тона не позволяют…

– Папа, с каких это пор ты перестал мне доверять?

– Алиса, я думаю, что тебе и твоим друзьям лучше вернуться в зал и потанцевать.

– Хорошо, папа.

Все девицы присели в реверансе и убежали, как испуганные лани. Алиса хотела присоединиться к ним, но наместник предложил ей руку, и она была вынуждена на нее опереться.

– Господин мэр, господин мэр, – раздался окрик одного из слуг, со всех ног бежавшего со стороны дома.

Он подбежал к мэру и что-то тихо зашептал ему на ухо.

– Ах, какой ужас, – всплеснул руками тот и, обратившись к наместнику, произнес: – Господин наместник, нам необходимо срочно принять меры.

– Меры? Какие меры, господин Брах. Я Вас не понимаю.

– Война, Ваше сиятельство.

– Война?

– Именно! Пираты! Мне срочно необходимо уехать в мэрию.

С этими словами мэр немедленно исчез во внезапно опустившейся темноте. А из-за фонтана появился капитан и, поклонившись Алисе, произнес:

– Господин наместник, Вам необходимо срочно отбыть в резиденцию. Война, милорд. Островные пираты под покровом ночи преодолели заграждения и уже подожгли несколько судов.

– Я говорил этим скрягам, надо усилить… – наместник отпустил руку Алисы, посмотрел на Мила и сквозь зубы произнес: – Господин Милл И'Усс, проводите леди Алису к гостям и, по возможности, успокойте их. Я вынужден отбыть в порт.

С этими словами он быстрым шагом растворился в темноте.

А со стороны дома продолжала играть музыка и разносились веселые голоса.

– Не очень-то они напуганы, – фыркнула Алиса. – Впрочем, они, наверное, еще не знают.

– Война… С кем война? – удивился Мил.

– Вы же слышали, напали островные пираты. Странно, они уже несколько лет не тревожили наш город. Нет, нападают, конечно, на суда, но на город? Как назло, почти весь флот в плавании. Ну да ничего, думаю, наместник справится, говорят, он настоящий воин.

– А Вы его недолюбливаете? – спросил Мил.

– Недолюбливаю? Нет, отчего же. Хотя да, недолюбливаю. Но это уж Вас не касается, господин бард, – улыбнулась она.

– Простите, леди.

– Скажите, господин Милл И'Усс, а то, что сказано в вашей серенаде, идет от Вашего сердца?

– Да, леди, – чуть слышно прошептал Мил, – Вы догадались?

– Я почувствовала. Женщины всегда чувствуют, когда им объясняются в любви, как бы Вы мужчины не прятали это за пустыми, хоть и красивыми фразами.

– Вы сердитесь на меня?

– Сержусь? Разве можно сердиться на человека, который объясняется тебе в любви? Это всё мой волшебный напиток, господин Милл И'Усс, – засмеялась она, – я Вас предупреждала. Поцелуйте меня.

Мил схватил ее в объятья и приник к ее губам.

– Мне жарко, – прошептала она, – как мне жарко.

Он вновь поцеловал ее.

– Леди Алиса, леди Алиса, – послышался голос неподалеку.

Она оттолкнула Мила от себя и прошептала:

– Уходите. Завтра в полночь тут же, – и, повернувшись в сторону звавшего голоса, откликнулась, – я здесь, кто меня зовет?

Мил отступил в темноту и спрятался в беседке.

– Это я, леди, – произнес запыхавшийся голос, в котором Мил узнал приведшего его сюда старого слугу, – говорят, пираты захватили порт, гости разъезжаются, все ищут Вас, чтобы попрощаться.

– Идем, – решительно произнесла Алиса, и ее каблучки гулко застучали по дорожке.

Мил пробирался по темным аллеям парка, крепко сжимая в руках гриф своей лютни. Его сердце пело от восторга, он был счастлив и упивался своим счастьем. Дойдя до ворот, он получил своего коня и помчался к дому мэтра.

Войдя в дом, он тихо постучался в комнату мэтра, из-под двери которого светился мерцающий огонек.

– Войди, Мил.

Юноша открыл дверь и вошел в комнату.

– Я слышал, как ты приехал. Ты припозднился, и твои товарищи уже спят. Доволен вечером?

– Да, мэтр, все прошло замечательно.

– Ты, конечно, спел свою серенаду?

– Да, мэтр.

– Я так и знал. Вы, молодежь, не прислушиваетесь к советам старших. Твое счастье, что это вольный город и нравы тут не такие строгие как в старой столице. Запомни, мой друг, у тебя великий дар, ты станешь знаменит, но имей в виду, что в каждой стране, в каждом городе есть свои традиции и нравы, нарушения которых влечет за собой иногда очень сильные неприятности. Будь осторожен, изучай историю, узнавай о жизни в тех местах, куда тебя забросит судьба.

– Да, мэтр.

– Это хорошо, что ты так говоришь, но, думаю, что немало ты еще шишек набьешь, прежде чем усвоишь мой урок.

– Я все понял, мэтр. Только почему я должен был петь серенаду, написанную кем-то другим, когда моя гораздо лучше?

– Твоя серенада – это завуалированное признание в любви, которое лестно дамам, но режет слух мужчинам. Ваше с ней сословное различие слишком очевидно – она дочь первого человека в городе, а ты ученик барда, да к тому же бастард. Не тешь себя иллюзиями, мой мальчик, и будь скромнее. Тебе повезло, тебя приняли благосклонно, но это скорее исключение, чем правило. Вот когда ты станешь по-настоящему знаменит, тогда другое дело, тебе многое будут прощать.

– Но ведь это вольный город, тут нет сословных отличий.

– Чушь! Сословия есть везде, а, значит, есть и отличия. Другое дело, что в этом славном городе у каждого есть шанс войти в местную элиту, хотя, я думаю, это эфемерный шанс. Никто не любит чужаков и их амбициозные планы покорить весь мир.

– Я понимаю Вас, мэтр.

– Ну и хорошо. Иди, отдыхай.

– Мэтр, говорят, началась война.

– Что, пираты напали на город?

– Вы знаете?

– Нет, но из твоих слов сделал такой вывод. Очень интересно, нападение произошло буквально через несколько дней после того, как основной флот покинул гавань. Очень интересно.

– Вы думаете, в городе есть предатель?

– О чем ты? О нет, не в этом дело. Я думаю, все гораздо сложнее или проще, это с какой стороны посмотреть. Иди, отдыхай, твое участие в светском мероприятии не освобождает тебя от завтрашних занятий.

Мил легким кивком изобразил нечто, напоминающее поклон, и вышел из комнаты.

– Замечательный юноша. Хоть и бастард, но знатная кровь дает о себе знать, и талант, да нет – талантище. Думаю, из него со временем выйдет настоящий второй Буран. Н-да, но только второй, первый, к сожалению, уже стар, как бы это ни обидно было слышать, – мэтр погасил свечу и устроился на кровати.

Утром только и разговоров было, как о ночном нападении пиратов. Было сожжено несколько торговых суден, разграблены прибрежные строения. Пираты успели вдоволь пограбить и позлодействовать, пока береговая охрана и приведенные ей в помощь войска наместника не выбили их с набережной, а подоспевшие остатки флота не отогнали пиратов от берегов. Собрав все силы, наместник поспешил возглавить группу преследования, чтобы отбить охоту у пиратов впредь приближаться к берегам Мариины.

Эти события затмили своей значимостью даже бал у мэра, поэтому рассказ Мила о проведенном вечере не имел столько успеха, как рассказ о пылающих домах, который принес Лев, поутру уже сбегавший на пристань и в рыбацкий поселок.

Его рассказ был настолько красочен и красноречив, будто он сам принимал участие в великолепной битве по изгнанию пиратов. Видя такое воодушевление в рядах своих учеников, мэтр с удовольствием назначил конкурс на лучшую оду защитникам города.

Убедившись, что ученики поглощены рифмованием строк, он поманил к себе Мила.

– Сегодня получил письмо от моего старого знакомого – я говорю про господина мэра, – уточнил он, видя, что Мил не понимает его. – Он передает тебе привет и легонько журит за не совсем скромное поведение на балу. Ты, оказывается, уединился с девицами.

– Мэтр, они просто хотели еще раз послушать серенаду, что ж тут плохого? Разве я мог им отказать?

– Ну-ну, не скромничай. Конечно, ты не вправе был отказать. Кто ж откажется от таких почестей. Все нормально, я думаю, мэр не столько журит тебя по сути, сколько из долга. А вообще, ты ему понравился. Кстати, тут еще тебе маленькая записочка от леди Алисы, вероятно, с благодарностью за столь блистательную серенаду. Держи, надеюсь, ты понимаешь, как настоящий мужчина, что негоже делиться содержанием таких записочек с друзьями, даже если в них тебя всего лишь благодарят за хорошо проделанную работу. Скромность. Вот что важно – скромность.

– Спасибо, мэтр, – поблагодарил Мил, пряча записку на грудь, – если Вы разрешите, я пройду в свою комнату.

– Да, конечно, иди.

Мил поспешно прошел в свою комнату, где кроме кровати, маленького письменного столика и сундука для одежды, который, по необходимости, играл роль стула, больше ничего не смогло бы поместиться, с нетерпением сломал печать с изображением девичьего профиля с маленького свернутого клочка бумаги.

«Уважаемый господин Милл И'Усс, спешу поблагодарить Вас за столь прекрасные слова, которые Вы произнесли в мою честь на вчерашнем балу, и заверить что Вы всегда будете званым гостем в нашем доме.

С уважением, Алиса фон Брах.

P.S. Забудьте все, что я Вам вчера наговорила».

Письмо выпало из рук пораженного Мила, и он удивленно поглядел на валяющийся кусочек бумаги. Нагнулся, поднял его, зажег стоящую на столе свечу и медленно сжег его на дрожащем огне.

– Похоже, мой роман накрылся, – удрученно проговорил он, – понятно, а что еще можно было бы ждать от столь ветреной особы. Но в этом есть и плюсы, – пожал он плечами, – не придется тащиться ночью в такую даль. – Он сдул пепел в открытое окно, и произнес: – А все-таки жаль, она такая красивая.

Он оглянулся вокруг, словно что-то искал, и не торопясь вышел из комнаты, чтобы присоединиться к товарищам, усердно работающим над созданием оды.

Темная, теплая, почти жаркая, ночь. В маленькой беседке в парке у фонтанов у дома мэра притаилась почти невидимая в темноте фигура юноши. Он стоял тут, казалось, целую вечность, напряженно всматриваясь в темноту и внимательно прислушиваясь ко всем окружающим звукам.

Как он пробрался сюда ночью, не замеченный ни патрулем старого города, ни многочисленным стражникам, оставленным наместником для обеспечения безопасности семьи мэра, в это непростое для города время, непонятно, но он скрывался в тени беседки и что-то выжидал.

Его сердце громко стучало, заглушая своим стуком шелест деревьев и редкие всплески воды в фонтане, который, надо отметить, в это время ночи не работал. Казалось удивительным, что такие громкие звуки, издаваемые бьющимся сердцем, не привлекли проходящую невдалеке за оградой парка охрану, звуки шагов которой гулко разносились по мостовой.

Казалось, ожидание молодого человека было бессмысленным, и он сам себе уже дважды обещал уйти после еще небольшого ожидания, но все стоял и стоял, надежно скрытый от любопытных глаз.

Вдруг все изменилось. Молодой человек вздрогнул и прислушался. Казалось, он что-то услышал, хотя вокруг было все так же тихо. Через некоторое время его надежды оправдались, и стали слышны еле слышные шаги, а затем из темноты выплыл темный силуэт невысокого мужчины.

Юноша напрягся, невольно положил руку на рукоятку длинного кинжала, который висел у него на правом бедре, и отступил вглубь беседки.

– Кто здесь, – произнес шепотом человек, внимательно всматриваясь в темноту беседки, – господин Милл И'Усс, это Вы? Я чувствую, что тут кто-то есть, не пугайте меня.

– Да, леди, это я, – голос юноши был глух и печален. – Вы очень сильно опоздали.

– Можно подумать, мне было так просто выбраться из дома, – прошептала Алиса, а это была она, в черном мужском костюме, с непокрытой головой и волосами, перевязанными сзади ленточки. – И вообще, не заставляйте меня оправдываться, я, в конце концов, девушка и имею право опаздывать. Лучше скажите, что Вы тут делаете?

– Я жду Вас, – пробормотал Мил.

– Меня? По-моему, я ясно дала Вам понять, что наше свидание отменяется. Тот поцелуй был просто взрывом эмоций, капризом, так что Вы зря пришли, бедный бард.

– Но ведь и Вы забрели сюда среди ночи, уж не проверить ли, не забрел ли сюда влюбленный поэт, – проговорил Мил, выходя из темноты беседки.

Алиса тихо засмеялась

– А Вам не приходило в голову, что я просто пришла сюда на свидание с кем-то другим, и никак не чаяла увидеть тут Вас?

– И поэтому позвали меня по имени?

– Хм, хватит ловить меня на слове! Лучше говорите, что Вы тут делаете. В конце концов, я тут в своем доме и могу ходить куда захочу.

– Мне нечего скрывать, леди, я пришел сюда, чтобы положить свое сердце к Вашим ногам и рассказать, как глубока моя любовь. Я хочу предложить свою преданность в обеспечение своей любви, свой талант в воспевании Вашей красоты, свою жизнь в обмен за Вашу признательность. Протяните свою руку и коснитесь моей груди и Вы услышите, как яростно стучит мое сердце в своем желании выпрыгнуть в Ваши руки.

Словно завороженная, Алиса протянула руку и коснулась пальцами его открытой груди.

– Врете Вы все, – чуть смущенная, проговорила она, – я совсем не чувствую его «яростного стука», это все ваши поэтические преувеличения.

– Вовсе нет, просто надо коснуться его и прислушаться. Смелее, леди.

Он нежно взял ее руку, поднес к своей груди и крепко прижал ее ладонь.

– Вслушайтесь, как оно стучит, – прошептал он. – Это песня любви, самая прекрасная и возвышенная, разве Вы не слышите?

– Кажется, слышу, – прошептала она и непроизвольно придвинулась к нему.

Он нежно обнял ее второй рукой и легонько притянул к себе.

– Если хорошенько вслушиваться, то можно разобрать, о чем оно поет.

– Я слышу, но не понимаю, – печально произнесла она, обнимая его за плечи.

– Оно поет про скорый восход, который осветит убежище влюбленных и разлучит их до следующего вечера. Оно поет про теплоту рук, сжимающих любимых в своих объятьях и заставляющих их трепетать от нежности. Оно поет о сладости поцелуя, вселяющую в сердца влюбленных уверенность, что их любят и помнят.

Мил наклонил голову и губами коснулся чуть приоткрытых губ своей любимой. Она потянулась к нему и тесно прижалась к его телу.

– У меня все плывет перед глазами, я сейчас просто упаду, – прошептала она, – еще никогда в жизни я не испытывала такие ощущения при поцелуе.

– Вы хотите сказать, что Вас уже кто-то целовал? – нахмурился Мил.

– Оставьте, – прошептала она, – так меня никто не целовал.

– Тихо, – прошептал Мил, – там идет стража, – он увлек ее в беседку и закрыл ее рот своими губами.

Время отошло на второй план. Оно практически перестало для них существовать. Они то обнимались, то сливались в нежном поцелуе, то он нашептывал ей нежные слова, заставляя ее сердце трепетать от восторга.

– Скоро будет светать, мне пора, – прошептал он, – иначе мне будет не выбраться из парка, если только Вы не спрячете меня в своей спальне.

– Как Вам не стыдно такое говорить? – обиделась она.

– Простите, я пошутил. Не сердитесь на меня, просто я не хочу с Вами расставаться.

– Уходите, мне тоже пора. Ещё надо пробраться в дом.

– Когда мы увидимся в следующий раз?

– Я попробую передать Вам письмо, а теперь идите, если нас тут застукают, то Вам несдобровать. Думаю, наместник просто отрубит Вам голову за измену, – захихикала она.

– Он что, претендует на Ваше сердце?

– Идите, не сейчас.

– Но все-таки?

– Скорее уж на мое тело. Идите же, кругом столько охраны.

– Я умею пробираться незамеченным.

– Ага, как сказочный эльф, – усмехнулась она, высвобождаясь из его объятий.

– Какой эльф? – опешил Мил.

– Ну сказочный, Вы что сказок в детстве не читали? Тоже мне бард. Был, говорят, давным-давно такой сказочный народец. Они могли быть невидимы, если хотели. Давайте уходите.

– Ну, интересно же послушать, никогда не слышал таких сказок.

– Да уходите же, горе мое. Я-то по-любому не умею пробираться незамеченной. Если нас поймают, однозначно наша встреча будет последней, иди, – в голосе Алисы послышались нетерпеливые нотки.

– Я ухожу, любимая, – поклонился Мил и исчез в уже начавшей редеть темноте.

– Что это со мной? – проговорила Алиса, снимая свой костюм и пряча его на полку шкафа в своей комнате. – Что это со мной? – пропела она, разглядывая свое обнаженное тело в зеркале, которое в полумраке комнаты не в силах было отразить всю красоту ее точеной фигуры. – Как я хороша, ла-ла-ла, – пропела она и натянула на себя ночную сорочку. – По-моему, он мне нравится, хотя это шаг вниз, пленять наместника и барда. Смешно, принц и нищий. Хотя этот нищий даст огромную фору некоторым принцам. Да уж, но целоваться при первом свидании это никуда не годно, милочка, – погрозила она пальцем зеркалу, – хотя как он целуется, это что-то.

С этими словами она шмыгнула в постель, задвинула полог над кроватью и, разметав волосы по подушке, через несколько мгновений заснула.

А город волновался, как рассерженный улей, в тавернах нарастало напряжение, готовое вылиться на улицы и спросить с кого-нибудь, почему так произошло. Купцы подсчитывались убытки и требовали от мэрии объяснений по поводу произошедшего инцидента, что тоже не добавляло спокойствия и порядка. Мэрия пошла на беспрецедентный шаг и попросила военных усилить патрули, а владельцев питейных заведений – уменьшить продажу спиртного.

Но это не давало ответ на некоторые неприятные вопросы, которые все чаще задавались, и на которые никто не мог найти ответ. Правда, почему пираты появились так внезапно и в тот момент, когда основные силы покинули порт? Приводила в недоумение и тактика пиратов – они жгли корабли, дома и, казалось, старались скорее нанести как можно больший ущерб, чем захватить богатую добычу и уйти восвояси.

Элитное подразделение личной гвардии наместника простояло в обороне, ожидая, что пираты ринутся в богатые районы, где их ожидала добыча. Нет – позлобствовав в нищих прибрежных районах, пираты отступили на свои корабли, как только военные опомнились и попытались отбить порт. Не приняв навязанный им бой, они улизнули в море, оставив позади пылающие купеческие корабли, озадачив своей тактикой бравых вояк.

Такое нетипичное поведение породило кривотолки и слухи о существующем заговоре и измене. Назывались ужасные факты, что в нападавших некоторые узнавали бывших жителей города, что само по себе было невероятно, так как всем известно, что островные пираты – это закрытое общество, не пускавшее так просто в свои ряды посторонних. А то, что это были именно островные пираты, не было никаких сомнений – на всех кораблях, ворвавшихся в порт, был поднят флаг с изображенным на нем левиафаном, перекусывающим своим огромным ртом корабль. Надо отметить, что подтверждения этих слухов не нашлось, так как взять в плен пиратов не удалось, а те из них, кто пал в этой войне, не принадлежали к местному населению.

Разъяренный таким нападением наместник немедленно распорядился организовать погоню и даже сам возглавил ее, как древний герой «идя впереди своих войск с обнаженным клинком», не слушая осторожные рекомендации своих советников, боявшихся, что это одна из ловушек пиратов, которая оставит город вообще без защиты.

Покинув рассерженную столицу, наместник заставил весь пыл критических замечаний направить на мэра, который, как мог, старался привести разрушенную часть города в порядок и хоть чем-то помочь обездоленным нападением пиратов людям. Все наперебой обсуждали информацию, которая якобы просочилась из окружения наместника, что сам наместник неоднократно отмечал слабость морских фортификационных сооружений города и даже предложил недорогой план реконструкции укреплений. Мало того, он собственноручно брался воплотить этот план в жизнь, чтобы обезопасить жизнь и имущество жителей, но, к сожалению, не нашел понимания у мэра.

На такие обвинения мэрия почти не отвечала, резонно утверждая, что необходимо сначала устранить последствия этого ночного нападения, а уж потом разбираться о чем идет речь. Но совсем отмалчиваться не удавалось, и секретарь мэра сделал заявление, что да, такие переговоры шли, и мэр действительно отказал наместнику в той непосильной для казны сумме, о которой шла речь. Ссылаясь на тот факт, что город и так выплачивает немалые деньги на содержание флота и содержание его контингента, и за это тот как минимум должен защищать оплачивающих его содержание горожан. Смущал мэра и тот факт, что контроль за расходованием средств и вообще за проведением модернизации береговых и морских фортификационных укреплений брал на себя наместник и подчиненное ему морское ведомство.

Как бы там ни было, но вопросов было больше, чем ответов. Город жил в недоумении и некоторой растерянности, пока к концу недели, на четвертый день после нападения пиратов, к порту не причалили отправившиеся в погоню корабли. Уполномоченный наместником отчитался перед мэрией и городом, что погоня триумфально закончилась. Четыре пиратских корабля были потоплены с помощью подоспевших соединений главных сил, которых удалось оповестить тайной связью, при этом потери флота были практически минимальны. Остатки пиратского флота разбежались, и ловить их быстрые суда было бесперспективно. В связи с этим экспедиция была завершена.

Ликованию в городе не было предела, и мэрией было решено дать в честь победителей бал, а в городе устроить ночной карнавал и народные гулянья.

Все это время Мил жил с надеждой о встрече со своей возлюбленной, помня про обещанное ею письмо. Но время шло, а письма все не было, и его замечательное настроение постепенно перерастало в апатию. Он попытался пробраться в парк в доме мэра, и ему это даже удалось, но, к сожалению, парк патрулировался моряками, и если ему и удалось пробраться незамеченным к беседке, то вряд ли такое было под силу Алисе. Мелькнувшая же было мысль пробраться в сам дом, была благоразумно отвергнута.

Изнывая от нетерпения и неизвестности, Мил стал рассеянным и раздражительным, не мог сосредоточиться на занятиях, что сразу бросилось в глаза наблюдательному мэтру. На его примере мэтр Буран прочитал ученикам лекцию о том, как важно сдерживать свои душевные порывы, и как взлет фантазии и творческого подъема резко может смениться застоем, апатией и опустошением.

После этой показательной «порки» Мил был отправлен в город «проветриться» и заодно отнести в мэрию письмо, в котором мэтр предлагал участие в городском праздновании своих учеников.

Предполагалось, что юные барды в разных местах города будут декламировать оды победителям и петь старинные баллады о доблестных рыцарях. Под старинными балладами мэтр имел в виду сочинения своих учеников, над которыми они корпели почти все свободное время, и которые он безжалостно критиковал. Это было необходимым для наработки навыков общения со зрителями, которые можно получить только практическими занятиями, и предстоящий праздник был очень кстати. Ведь кроме Мила больше никто еще не выступал перед большой аудиторией.

Выйдя за ворота, Мил был удивлен переменами в городе. Он жил предвкушением празднества, на которое мэрия готова была потратить немалые деньги, чтобы решить сразу две проблемы: отпраздновать победу наместника и тем самым польстить тщеславию военных, популярность которых в городе росла с каждым днем. И отвлечь горожан от неудобных вопросов, почему пираты так легко проникли в город.

– Просто чудо, что жертв было немного, – произнес мэр на последнем заседании, – а что до убытков, то все это поправимо и наживное, и мэрия готова помочь пострадавшим купцам.

Какие для этого будут проведены мероприятия, не уточнялось, но в распоряжении мэрии кроме общего фонда, которые некоторые называли страховым, и собственно для этого и создавался, были и другие рычаги вплоть до уменьшения пошлин и налогов, что всегда было заманчиво для настоящего купца.

По вопросу об усилении злосчастной береговой линии вскользь было замечено, что принципиальное решение по этому вопросу есть, осталось решить лишь вопрос финансирования, чем мэр совместно с правлением обещал заняться сразу после окончания праздника, намеченного на ближайший выходной.

Город расцветал на глазах, мостовые повсеместно мылись щетками, стены домов украшались гирляндами как бумажных, так и живых цветов. В окнах домов расцветали настоящие оранжереи, вступая в спор, чьи задумки лучше и оригинальнее. Богатые магазины придумывали благотворительные угощения для всех горожан, а таверны зазывали на праздники сниженными ценами на спиртное.

Портные и мастеровые завалило заказами, и они были вынуждены работать и днем, и ночью, пытаясь удовлетворить все запросы горожан, которые сыпались на них все больше, чем меньше времени до праздника оставалось.

В мэрии было полно народу, и пробиться на прием было практически невозможно да, в общем-то, это и не требовалось. Назвав имя мэтра, Мил оставил письмо у секретаря, который заверил его, что передаст письмо лично в руки, как только он освободится.

Дело было сделано, и Мил с удовольствием бродил по городу, любуясь его преобразованием. Уставший и изрядно повеселевший, он с удивлением отметил, что его муза снова с ним и нашептывает ему на ухо довольно удачные обороты речи, облачая их в поэтические формы, достойные того, чтобы запечатлеть их на бумаге. Не прошло и получаса, как эти обороты облекли стройную форму и сложились в балладу, повествующую о борьбе независимого и гордого народа с сильным и жестоким врагом.

Он так увлекся, что не заметил выходивших из дверей какого-то большого магазина группы молодых девиц, и дело чуть не кончилось столкновением. Девицы громко завизжали, напугав юношу, и громко выразили свое возмущение. Громче всех с хитрой улыбкой на лице возмущалась Алиса, при виде которой сердце Мила внезапно бешено застучало, а сам он впал в какой-то непонятный ступор, едва сумев выдавить из себя какие-то сухие слова извинения. Неуклюже поклонившись, он обошел лукаво смотрящих на него девушек и продолжил свой путь.

– А Вы не очень-то и вежливы, господин бард, – произнесла одна из них, отделившись от своих подруг и догоняя Мила.

– Простите, леди, я был так неловок, – пробормотал оторопевший от такого поворота событий Мил.

– Да уж, Вы мне, между прочим, почти отдавили ногу, – капризно сказала она.

– Я прошу простить меня, леди, я несколько замечтался и от этого стал так неуклюж, я могу чем-нибудь искупить свою вину?

– А Вы меня совсем не помните, ведь меня представляли Вам? Вспоминайте, я была в числе тех счастливиц, которые внимали Вашему голосу в беседке леди Алисы, – хитро улыбнулась девица.

– Простите мою забывчивость, леди, но Вы были так блистательны в тот вечер, и я был практически ослеплен Вашей красотой, в результате чего у меня вылетели из головы все подробности того празднества, – попытался как-то вывернуться из щекотливой ситуации Мил.

– Врунишка, – улыбнулась девушка, – но все равно приятно. Вы весь вечер пялились на Алису, поэтому вряд ли вспомнили бы меня, даже если бы очень этого бы хотели.

– Вы несправедливы, леди, – смиренным тоном произнес Мил, которого стала забавлять ситуация.

– Ладно-ладно, – отмахнулась от него девушка, – у меня к Вам просьба, господин бард. Мой дедушка большой ценитель бардовских песен, но, к сожалению, он очень старенький и давно уже никуда не выходит, поэтому он не мог иметь счастья слушать Вас. А мне бы хотелось, чтобы он оценил современных бардов. Я прошу Вас спеть для него Вашу замечательную балладу, о которой с восторгом говорят вокруг.

– Я почту за честь, леди… – поклонился Мил.

– Меня зовут Гортензия, только посмейте забыть мое имя еще раз, – грозно произнесла девушка, погрозив ему пальцем, – мы ждем Вас к шести на обед, не опаздывайте.

– Я буду непременно леди, но как Вас разыскать?

– Эй, напиши ему мой адрес, – обратилась Гортензия к стоявшему у дверей магазина приказчику. – Пока, – помахала она рукой Милу, затем, спохватившись, чопорно присела в реверансе и под хохот подруг убежала к ним.

Они дружной стайкой двинулись дальше, по очереди оглянувшись на остолбеневшего Мила.

– Держите, господин бард, – почтительно протянул Милу кусочек пергамента приказчик, – говорят, Вы восходящая звезда?

– Не верьте, – буркнул Мил и продолжил свой путь.

– Заходите к нам, – крикнул ему в след приказчик.

«А она хорошенькая, как я мог забыть ее имя? А Алиса даже не посмотрела в мою сторону за все это время».

Настроение заметно улучшилось, хотя какой-то особо зловредный «червячок» продолжал терзать сердце гремучей смесью ревности и обиды.

Когда Мил вернулся в дом мэтра Бурана, начатая сформировываться баллада обрела четкие формы и быстро была расписана пером.

– Прогулка пошла на пользу, а, молодой человек, – улыбнулся мэтр, ставя высший балл на прочитанном им свитке.

– Да, наверняка, – согласился Мил и вкратце рассказал о встрече с Гортензией и ее приглашении на обед.

– Ты становишься популярным, подряд два предложения в Старый город – это радует. Только будь осторожен. Старый бунтарь не самое хорошее знакомство.

– Старый бунтарь? – не понял Мил.

– Я говорю о деде Гортензии, старом Эллиесе. Ох и наделал он проблем в свое время. По молодости он чуть всю провинцию не поднял на дыбы, призывая граждан добиваться полного выполнения герцогом условий, на которых Мариина присоединилась к герцогству. Ходили слухи, что он вынашивал еще более амбициозные планы, подпитываясь поддержкой из Испа. Я в те времена служил у старого герцога, если теперешний мой возраст позволяет его так называть. Отношения с Испой были никудышными, основные войска приходилось постоянно держать у границ. Флот был в самом зачатке, денег ни на что не хватало, Борн, как всегда, бился в истерике по поводу нахождения наших войск вблизи границ. Все ждали войну. Обстановка была самая что ни на есть напряженная.

И этот Эллиес довольно долго и удачно этой обстановкой пользовался. Ох и попил он кровушки у старого герцога. Тогда он был героем, к слову которого прислушивались многие

в Мариине и не только там. Ведь, скажу тебе по секрету, основания, кроме права силы, по которому Мариина отошла к герцогству, и сейчас вызывают ожесточенные споры среди законников Ловерии. Но это между нами, за такие слова можно навсегда испортить отношения с Лавией.

Так вот, тогда этот герой пользовался всеобщей любовью и почетом. Он был избран мэром и главой всех мыслимых комитетов города и провинции. Казалось, должно что-то случиться – или герцог уступит, или разразиться гражданская война. Но судьба мудрее нас, звезда его закатилась очень быстро, на скачках в ярмарочный день ему не повезло, он упал с лошади, да так неудачно, что не ходит до сих пор. Пока он метался в горячке в постели, какая-то роковая печать легла на всех его сподвижников. В течение месяца все близкие к нему люди, в том числе и его сын, так или иначе закончили свое существование на земле. Это сломало его окончательно, сделав из героя тишайшего обывателя. Он сложил с себя полномочия мэра и живет на городскую пенсию у себя дома, практически не выходя из него. Казалось бы, его все забыли, но нет. Точно знаю, что и сейчас за ним и его домом присматривают люди наместника.

Оставшись без основных руководителей этого безобразия, его последователи поубавили свой пыл. Можно даже сказать, рассыпалось его сообщество полностью. А тут удивительные дела стали твориться: отношения с Испой стали все улучшаться и улучшаться, а вскоре пошли настолько хорошо, что старый герцог вздохнул посвободнее, а в Мариине уши-то поприжали. Ему сюда даже войска не пришлось посылать, чтобы силу показать. Местная элита и сама все поняла. Они – торговый люд – свои глаза везде имеют, а разума у них поболее иных политиков.

Вот такая история с этим Эллиесом приключилась. Так что ты там не очень-то его слушай, хотя ходят слухи, он сейчас тишайший человек, а про политику в его доме и вообще не говорят. И ты себе заведи за правило, барды вне политики и вне границ. Наше дело – донести правду до людей в виде песен и баллад, а остальное не нашего ума дело. Хотя трудно быть вне политики, все равно приходится прибиваться к какому-нибудь берегу. Ну да ладно, иди уж, готовься. Раскудахтался я что-то с тобой, видать и впрямь стал стареть да глупеть.

Дом господина Эллиеса стоял на самой окраине Старого города и не мог похвастаться роскошью и помпезностью дома мэра – это Мил почувствовал сразу, подойдя к искомому месту. К чести молодого человека, он не придал этой особенности никакого значения. Постучавшись в старинную дверь, которую ему тут же открыл, по-видимому, ожидавший его слуга, он попал с улицы прямо в дом и без промедления был препровожден в небольшую уютную комнату. Это оказалось просторное помещение, значительную часть которого занимал огромный прямоугольный стол, сервированный для обеда.

В разных частях комнаты, украшенной позолоченной лепниной на стенах, которая кое-где имела несколько потертый вид, и огромной люстрой, свечи в которой, надо отметить, в данный момент не горели, так как в широкие окна поступало достаточное количество света, стояли с десяток человек. По-видимому, это были члены семьи или друзья, приглашенные к обеду. Все они, как один, повернулись к вошедшим, и слуга громко произнес: «Господин Милл И'Усс».

– Добрый день, молодой человек, – прозвучал голос из-за стола, принадлежащий очень худому и очень старому человеку. Его бледное лицо и длинные седые волосы делали его похожим на благородного мудреца.

– Добрый день, господин Эллиес, – поклонился Мил, – и Вам всем, господа, добрый день.

– Я очень рад, господин бард, что Вы отозвались на нашу просьбу исполнить нам свою удивительную балладу, о которой мне прожужжала все уши моя внучка, – усмехнулся хозяин дома.

– Я к Вашим услугам, господин Эллиес.

– Гортия, дорогая, представь нашему гостю присутствующих, – обратился он к Гортензии. – А Вы, господа, присаживайтесь, думаю, самое время пообедать.

Гортензия быстро перечислила Милу присутствующих и, перепоручив его слуге, убежала к деду, усевшись от него по правую руку.

– Отобедайте с нами, господин бард, – продолжил старец, обращаясь к Милу, которого слуга усадил напротив главы дома.

– Почту за честь, господин Эллиес, пообедать с одной из легендарных личностей в истории Мариины, – чуть наклонил голову Мил.

– А Вы, по-видимому, интересуетесь местной историей, господин бард? – грустно усмехнулся Эллиес.

– Немного, – смутился Мил, – барды должны знать особенности местностей, где им приходиться выступать, иначе они рискуют попасть, скажем так, в излишне щекотливую ситуацию.

– Ну что ж, не самый плохой повод изучить историю. Молодежь, к сожалению, сейчас ничем не интересуется, и я рад, что о Вас нельзя так сказать.

– Вот еще, дед, скажешь тоже, – вмешалась в разговор Гортензия, подвигая к себе глубокую серебряную чашку с рыбьим супом, который ей наполнил подошедший к ней слуга, – я, например, отлично знаю историю Мариины. И всех ее героев. Знаете, господин Милл И'Усс, – обратилась она к барду, – мой дед не просто легендарная личность из прошлого, он настоящий герой и борец…

– Стоп, – хлопнул ладонью по столу Эллиес, – Вы забываетесь, леди. В этом доме никаких крамольных разговоров и мыслей. Никаких, – повторил он, пресекая попытку Гортензии что-то возразить. – Поговорим о чем-нибудь другом, Гортия, – тихо и почти ласково произнес старик.

– И все-таки, ты герой, – упрямо повторила она, отодвигая тарелку, – надоела мне ваша рыба.

– Ты неправа, Гортия, – произнес молодой человек, которого Гортензия представила Филом.

Он был, насколько понял Мил, ее кузеном.

– Суп довольно вкусный. Не правда ли, господин Милл И'Усс? – обратился Фил к Милу.

– Я, к сожалению, не ем рыбу, господин Фил, поэтому не могу по достоинству оценить великолепие этого вкуса, но готов поверить Вам на слово.

– Жить у моря и не есть рыбу, это очень оригинально, – произнесла тетушка Гортензии, имя которой Мил не расслышал, а переспрашивать не отважился, – я бы даже сказала эксцентрично.

– В этом доме каждый может есть или не есть предлагаемые ему блюда по своему разумению, – произнес Эллиес, – я приношу Вам извинения, молодой человек, что мы не поинтересовались Вашими пристрастиями. Это большое наше упущение. К сожалению, у нас сегодня только рыбные блюда. Но, если хотите, наш повар приготовит Вам, что-нибудь по Вашему вкусу. Правда, это займет некоторое время.

– Я смущен Вашим вниманием, господин Эллиес, но прошу не беспокоиться по этому поводу – я сыт. Мне доставляет истинное удовольствие сидеть в Вашем присутствии, ведь не каждый раз бардов приглашают за стол, да еще в столь изысканное общество. Наше предназначение – услаждать слух хозяев, а не разделять с ними трапезу.

– Вот уж неправда! Вы ничем не ниже нас, господин бард, – горячо возразила Гортензия, – и принимать Вас такая же честь для нас.

– Спасибо, леди, Вы так любезны и очаровательны, что я готов восхищаться Вами снова и снова.

– Да, моя внучка достойна восхищения, господин бард, – кивнул Эллиес, наполняя бокал, – к сожалению, наша золотая молодежь очень мало предает значение истинным достоинствам, и тем ниже они падают в моих глазах. Я хочу поднять бокал за самую прекрасную деву этого города, за мою внучку, господа. За самый прекрасный цветок, который украшает одним своим присутствием унылые дни моей старости.

Присутствующие подняли бокалы и отсалютовали покрасневшей Гортензии.

– Дед, прекрати вводить меня в краску, – строго произнесла она.

– Полно, Гортия, скромность не самая главная добродетель. Вели подать десерт молодому человеку, думаю, он оценит его по заслугам.

– Если можно, не сейчас, господин Эллиес. Сладкое вяжет связки, а я очень хочу доказать Вам, что современные барды ничуть не хуже бардов Вашего времени. И если Вы позволите?..

– Прошу, господин Милл И'Усс, я просто думал, мы сначала закончим с обедом?

– Дедушка, думаю, господин Милл И'Усс может спеть нам прямо сейчас и с чувством выполненного долга приступить к десерту. Тем более мне так не терпится вновь услышать его голос.

– Ну что ж… Если никто не против, – усмехнулся Эллиес, откладывая столовые приборы в сторону.

Его домочадцы последовали его примеру и заинтересованно развернулись к Милу.

– Сначала я хотел спеть вам балладу, которую пел на дне рождении леди Алисы, но хочу представить Вам на суд новое произведение, которое приготовил в честь празднования победы над пиратами нашими доблестными воинами.

Эллиес кивнул, и Мил вышел из-за стола. Взял в руки поданную слугой лютню. Чуть задумался, словно вспоминая мелодию. Тронул пальцами струны, и по залу пробежала негромкая тревожная музыка. Она стала нарастать, и вот к ней добавился мягкий речитатив, рассказывающий о доблестных днях и боевой славе рыцарей, вставших на пути завоевателей и отдавших свои жизни за свою родину…

Музыка давно уже отыграла, голос барда замолк, а седой старик все сидел и смотрел куда-то в неизвестную даль, словно вспоминая кого-то. С его правого глаза по щеке скатилась слеза, оставляя чуть видную дорожку на морщинистом лице.

– Спасибо, молодой человек, – словно очнулся Эллиес. – Вы словно напомнили мне мою молодость, мои мечты и стремления. Кто сочинил эту балладу, неужели Вы?

– Да, господин Эллиес, не далее как сегодня перед самой встречей с леди Гортензией.

– И Вы хотите петь эту балладу в честь победы войск господина наместника? – произнес моложавый мужчина, дядя Гортензии по материнской линии.

– Да, мэтр Буран попросил разрешение у мэра на выступления учеников его школы перед горожанами. Не думаю, что тут будут какие-то трудности.

– Понятно, думаю, мэр действительно не откажет мэтру, но вот исполнять на празднестве Вашу балладу я бы не советовал. Я не говорю, что она не хороша. Отнюдь, – поднял он руку, прерывая ропот недовольных его словами домочадцев, – дело в том, молодой человек, что праздник дан в честь наместника и его победоносных войск, а Вы своей балладой заставите вспомнить горожан, что когда-то эти самые войска ворвались в наш город, разметав по пути горстку наших защитников. Ведь всем будет понятно, что в данном случае захватчики это отнюдь не пираты – те просто бандиты и мародеры, тогда кто? Особого выбора у нас нет. Будет конфуз, наместник будет в ярости и еще чего объявит Вас крамольником.

– Но, дядя, с чего ты решил, что это баллада именно о том, о чем ты подумал, – вступилась Гортензия, – это просто героическая ода, творение художника.

– Может, это и так, я не сильно разбираюсь в поэзии. Но, кажется мне, что если я так ее воспринял, то что мешает воспринять ее так же кому-то другому, а узнав о том, что перед этим молодой человек пообедал у нас, кто поручится за то, что это не наши застольные беседы навели его на такие мысли?

– Всем понятна твоя озабоченность, Чари, – тихо произнес старик, – на нашу семью действительно смотрят с пристрастием, но право барда петь свои баллады не должно зависеть от наших опасений. Молодой человек сам решит, что ему петь. Я напомню, это все же свободный город, хотя свободы в нем не столько, сколько было прежде.

– Спойте нам серенаду, которую Вы посвятили леди Алисе, – прервала спор Гортензия, – пожалуйста.

Мил вновь поднял лютню, и из его уст полились слова о самой прекрасной девушке на свете…

– Очень смело, – покачал головой Чари, когда смолк последний аккорд, – очень смело, некоторые словосочетания почти на грани приличия.

– Конечно, смело, – стукнул кулаком по столу старик, – а почему ему собственно не быть смелым? Он молод, дерзок, талантлив. Да, посвяти он эти слова моей внучке, я, может, и был бы недоволен, но, что там кривить душой, в тайне был бы польщен и тронут. Потому как ей они подходят больше всего. Потому что это она самая прекрасная девушка на земле. Дерзайте юноша, у Вас впереди вся жизнь, смело идите по ней и не позволяйте никому Вас по ней влачить. Только будьте бдительны, чужая слава не дает покоя, берегите себя, ибо талантливости Вам не простят.

Подали десерт, и все оживленно стали обсуждать свежие новости. Сплетни, как презрительно отозвался Эллиес.

– Вы знаете, ходят упорные слухи, что наместник настолько сражен красотой леди Алисы, что готов просить ее руки у господина мэра, – проговорила тетушка.

– Вот уж глупости, разве аристократ может жениться на простой девушке, пусть она даже дочь мэра, – пожала плечами Гортензия. Было видно, что эта новость ей неприятна.

– Может, Гортия. Почему бы и нет, – проворчал Эллиес, – во-первых, он может получить соответствующее разрешение у своего сюзерена, а у господина наместника неплохие отношения с герцогом. Во-вторых, на что только не пойдешь ради денег. А, по моим сведениям, у наместника полный крах с финансами, а это такой шанс поправить дела. Ведь на самом-то деле наш уважаемый мэр ничуть не менее аристократичен и важен, чем сам наместник. Если уж говорить о иерархии, то он стоит не ниже родовитых графов, владея титулом мэра пожизненно.

Единственно, что не имеет право по наследству передать свой пост. А теперь представь ситуацию, что наместник женится на его дочери и становится полноправным гражданином города с полным правом выдвигать свою кандидатуру на пост мэра, когда эта должность станет вакантной. Да мало ли каких вариантов можно напридумывать, а возражение только одно – он аристократ, а она простая девушка, – пожал плечами глава семейства, заканчивая свой монолог.

В завершении обеда Мил исполнил свою старую балладу, которую пел на балу, и был удостоен аплодисментов. Ее приняли более благосклонно, чем первую, хотя, по мнению самого Мила, ее художественная ценность была не столь высока. По крайней мере никаких критических замечаний не последовало, и он отправился в дом мэтра в сопровождении Гортензии, которая решила навестить какую-то подругу, и ей совершенно случайно оказалось по пути с Милом.

– Если Вы не против составить мне компанию, господин Милл И'Усс, если у Вас нет других планов, – улыбнулась она ему, опираясь на его руку, спускаясь по лестнице.

– Ну что Вы, леди Гортензия, я даже не смел мечтать о такой удаче, пройтись по городу рядом с самой красивой девушкой Мариины.

– Я Вам говорила, господин бард, что Вы врунишка?

– Я имел несчастье услышать о себе такой нелестный отзыв, леди Гортензия, но, право, даже не представляю, по какой причине у Вас сложилось такое мнение обо мне?

– И Вы еще спрашиваете? – возмущенно вспыхнула Гортензия, закрывая за собой входную дверь и ставя ножку на еще пышущую дневным жаром мостовую.

День близился к закату, но дневной зной еще не сменился вечерней летней прохладой, которую все так ждут целый день. Потянул ветерок, обжигая кожу своим дыханием и заставив

рубашку Мила мгновенно прилипнуть к телу. Жар прилил к его лицу, и он не мог решить, от чего это – то ли от этого зноя, то ли от присутствия рядом красивой девушки, чей локоток раз за разом касался его руки.

– Жарко сегодня, – выдохнул он из груди ставший вдруг таким тяжелым воздух, – и все-таки мне непонятны причины этих слов, – неожиданно он произнес это с каким-то придыханием, больше присталым какому-нибудь трагическому актеру.

Гортензия с некоторым удивлением посмотрела на него и, улыбнувшись, произнесла:

– Ну, конечно, жарко. Это вообще самый жаркий месяц. А дни в это время самые длинные, Вы в курсе?

– Да, конечно, я же не такой уж непроходимый тупица, – обиделся Мил.

– «Непроходимый тупица», странное словосочетание, – засмеялась Гортензия, – я не считаю Вас тупицей, господин бард. Просто я пошутила к тому, что, по моему мнению, все поэты, как и художники, живут в каком-то своем, не понятном окружающим мире. Я нисколько не удивлюсь, что Вы не замечаете таких удивительных явлений, как жара, лето, – она вновь заразительно расхохоталась.

– Ну не все так запущенно, леди, – улыбнулся вслед за ней Мил, – можно подумать, что мы только и делаем, что пишем свои «великие творения». Отнюдь нет.

– Да? Странно. А чем вы еще занимаетесь в этой вашей «школе изящной словесности».

– Да много чем… Немного фехтованием, выездкой на лошадях, историей в переложении мэтра Бурана. Ну и, конечно же, секретам сложения стихов.

– Знаете, господин Милл И'Усс…

– Зовите меня Мил, если Вас не смутит такая фамильярность.

– А почему она должна меня смутить, господин Милл И'Усс?

– Ну, обычно по имени называют друзей или лиц, с которыми давно знаком.

– Учитывая, что мы с Вами не старые знакомые, Вы хотите, чтобы мы были с Вами друзьями?

– А почему бы нет? Еще не так давно Вы так горячо говорили, что я нисколько не ниже Вас.

– И готова повторить эти слова еще раз. Это правда. Но только ведь настоящая дружба – это не только равенство. Настоящая дружба – это нечто, что связывает между собой людей. Делает их близкими друг другу.

– Я согласен с Вами, леди, я очень хотел бы стать Вашим другом, хотя бы потому, что Вы мне нравитесь.

– Да? Что Вы вкладываете в смысл слова «нравитесь», господин бард? – внимательно посмотрела на него Гортензия.

– Смысл, – несколько растерянно переспросил Мил, – как можно раскрыть смысл таких таинственных слов, как дружба, любовь, очарование, страсть?

– Ой-ой-ой, не надо так далеко, – всплеснула руками Гортензия, – Вы как настоящий поэт, уверена, сейчас можете вскружить мне голову красивыми словами, которые сложатся в длинную цепочку фраз и предложений, слушать которые можно будет бесконечно долго и так приятно, но мне нужен простой ответ. Что Вы понимаете под словом дружба, что Вы понимаете под словом нравитесь?

– Дружба, мне кажется, это духовное единение людей, общность их интересов или целей. Дружба – это прежде всего симпатия, желание оказать нужную помощь и уверенность в том, что ты ее тоже получишь в нужный момент.

– Может быть, – кивнула, задумавшись, Гортензия, – может быть. Зачем же Вам нужна моя дружба? Разве у нас с Вами есть духовное единство? Общие цели?

– Может быть, нет, но у нас явно есть симпатия друг к другу, простите меня за такую смелость. По крайней мере, она есть у меня к Вам.

– И словом симпатия Вы и объясняете термин нравиться?

– Ну да?

– И когда же она возникла, Ваша симпатия?

– В первое мгновение, как только я Вас увидел, леди Гортензия.

– Мне кажется, Вы ужасный врун, господин Мил, – сурово посмотрела она на него.

– Мне обидно слышать такие слова, леди Гортензия, я просто не умею врать. Я, как бы Вам сказать, патологически правдив.

– Как Вы сказали, «патологически»? Надо будет запомнить это слово, я всегда любила коллекционировать умные слова. Жаль, что я их быстро забываю.

– А Вы их записывайте.

Повисла пауза, затем Гортензия сурово посмотрела на Мила и произнесла:

– По-моему, Вы сейчас несколько издевательски проехались по моим умственным способностям, господин Милл И'Усс?

– Я?.. Да ничуть, просто сказал глупость.

– А с чего это Вы стали говорить глупости, уж не от общения ли со мной? Я так воздействую на Ваши умственные способности?

– Знаете, каждый влюбленный мужчина немного глупеет от своих чувств, – оторопел Мил от такого напора, пытаясь сгладить невольно создавшуюся, по его мнению, щекотливую ситуацию.

– Да? Кажется, я знаю объект Ваших воздыханий, господин Мил, – засмеялась она и остановилась.

Незаметно за разговорами они дошли до ворот Старого города, являющимися вместе с остатками старой крепостной стены по сути границей, разделяющей старый и новый город.

– Но, леди Гортензия, если Вы говорите про леди Алису, то она тут совершенно не при чем, – едва слышно произнес Мил.

Гортензия строго посмотрела на Мила и, чуть помолчав, произнесла:

– Вы абсолютно правы, господин бард, я ведь совершенно не знаю ни Вас, ни Ваши пристрастия. Просто мне на мгновение показалось, что Вы влюблены в Алису. Простите, я, как всегда, влезла не в свои дела и оказалась в дурацком положении. Вот мы, собственно, и пришли. Дальше Вам по дороге в Новый город, а мне в другую сторону.

– Мне так не хочется с Вами расставаться, леди Гортензия.

– Да? Очень странно, с чего бы это.

– Мне кажется, леди, что я влюблен в Вас.

Глаза Гортензии потемнели и стали похожи на цвет разбушевавшегося моря.

– Так, господин бард, я делаю вид, что я не расслышала Ваших слов, а Вы больше не вздумайте их повторять.

– Но, леди…

– Никаких «леди», я не верю ни единому Вашему слову, господин бард, и считаю Вас врунишкой. И так будет до тех пор, пока Вы не докажете обратное.

– Но, леди, ведь доказывать надо вину, а не невиновность. У судейских это называется презумпция невиновности.

– Я, к Вашему сожалению, никакого отношения к судейским не имею, я отношусь к хорошеньким и умненьким девушкам, которым до одного места ваши мудреные слова.

– С Вами не поспоришь, леди Гортензия, – склонил голову Мил.

– Вот и славненько, за столь хорошее поведение даю Вам шанс улучшить наши отношения, испорченные последним признанием. Приходите в десять вечера на площадь у мэрии. Там сегодня собирается вся золотая молодежь Мариины, к которой я Вас с сегодняшнего дня причисляю. Надеюсь, мэтр Буран отпустит Вас проветриться?

– Я не собираюсь его ставить в известность о своих ночных планах. Только мне вряд ли удастся исчезнуть раньше одиннадцати часов, когда у нас гасят свет, – пожал плечами Мил.

– Хорошо, принимается, у Вас есть маска?

– Конечно.

– Замечательно, наденьте ее и никому не называйте своего имени. Мы собираемся инкогнито. Это так весело. Да, захватите с собой лютню, так мне проще будет Вас узнать.

– Вы думаете, в маске, но с лютней я буду неузнаваем?

– Вот уж это не мои проблемы. Ладно, не берите в голову, по сути это не так уж важно, узнают Вас или нет, это, так сказать, дело десятое. Там не принято кого-то узнавать. И Вы, если вдруг кого-то узнаете, не спешите уведомлять об этом всех.

– А как мне Вас узнать?

– Достаточно того, что я Вас узнаю по лютне.

– Хорошо, – кивнул Мил.

– Вот и славненько, до свидания, господин бард, было приятно быть в Вашем обществе.

И Гортензия легкая, как бабочка, развернулась на своих каблучках и через минуту исчезла в извилистых улицах старого города. А Мил отправился в дом старого мэтра, где его ждал маленький запечатанный воском пакет, в котором было написано буквально три строчки:

«В полночь у здания мэрии, наденьте маску и захватите лютню, возможно, я захочу услышать Вашу серенаду».

А.

Сердце Мила забилось в бешеном ритме. Ну, конечно же, его никто не забывал, просто не было возможности встретиться наедине. И теперь, когда эта возможность появилась, ему сразу же дали знать. Ну как он мог сомневаться в чувствах самой желанной девушки мира?! Вот только как быть с Гортензией? Мил произнес это имя, и с удивлением почувствовал, каким теплом налилось его тело. «Ну ладно, – вдруг решил он, – дамы хотят маскарад, они получат его по полной программе, а там будь что будет».

Странник

Думаю, каждый, кому посчастливилось хоть раз побывать на одном из карнавалов Ловерии, согласится с тем, что это зрелище очень яркое, веселое, а в крупных городах и столицах и вовсе незабываемое, поэтому неудивительно, что карнавальные шествия и игрища так широко распространены по всему континенту. Надевая маску, каждый человек может говорить и делать, что захочет, не опасаясь быть узнанным.

Возможно, именно эта анонимность и привела к тому, что молодежь Мариины создала такое уникальное явление, как маскарадные вечера. Новое веянье быстро распространилось по всей Лавии, а потом так же быстро сошло на нет благодаря усилиям властей, довольно сдержанно относившихся к свободомыслию, царившему как под маской, так и без нее.

Однако в самой Мариине маскарадные вечера не только не исчезли, но продолжали систематически проводиться на радость всем ее участникам, которые в полное свое удовольствие пользовались неузнаваемостью и заводили отнюдь не самые верноподданнические разговоры. Собираясь несколько раз в месяц, молодежь упивалась свободой и кажущейся вседозволенностью, скрывая свои лица под масками, что, конечно же, делало их сборища более пикантными и значимыми.

Маскарадные вечера выбивались из обыкновенного ритма жизни. Тут отпрыски богатых семей чувствовали себя куда как более свободными и раскрепощенными. И хотя нельзя было не согласиться с наместником, который назвал их неприличными и разлагающими и призвал мэрию прекратить этот позор, мэрия не стала делать резкие движения в сторону запретов, напоминая, что в свободном городе есть свои традиции, которые не совсем одобряются большинством, но тем не менее имеют право на существование.

Надо отдать должное, что, официально не вмешиваясь, мэрия все же исподволь старалась влиять на вечера, спонсируя некоторые интересные мероприятия: так было с выставкой цветов, с ночным литературным конкурсом, ночным танцевальным балом. Да и по большому счету сами встречи отнюдь не были пущены на самотек. Под предлогом безопасности по площади постоянно курсировали патрули, а знающие люди утверждали, что все постоянные участники этих «посиделок» были хорошо известны тайной страже города. Так было совершенно точно известно, что постоянными вдохновителями этих вечеров были леди Гортензия, внучка довольно одиозной личности в истории города, и леди Алиса, дочь нынешнего бессменного мэра, высокий пост которого делал ее присутствие особенно пикантным. Кроме того, особо пристально присматривали за некоторыми молодыми людьми, родители которых в недалеком прошлом давали повод усомниться в их лояльности.

Но эти неприятные особенности не только не отпугивали молодых людей, но, казалось, еще больше привлекали их на эти мероприятия. Мало того, то ли от озорства, то ли просто по порыву души не редкость на таких вечерах звучала беспощадная критика не только местных глав, но и самого наместника.

Конечно же, молодой человек в потертом бирюзовом костюме с длинным кинжалом, оттопыривавшем накинутый сверху видавший виды зеленый плащ, в широкой бархатной маске под цвет плаща, закрывавшей почти все лицо, и остроконечной шляпой, которая только-только стала завоевывать популярность, и ведать не ведал о таких масштабных противоречиях, которым положило начало проведения этих безобидных, на первый взгляд, увеселений. Он торопливо приближался к площади, судорожно сжимая гриф старенькой и потертой лютни, что-то нелестное говоря о своем неоправданном опоздании.

Думается, не трудно было бы догадаться, что это был Мил, спешивший на свидание, даже можно было бы с уверенностью сказать – на два свидания, которые насмешливая судьба назначила в одном месте и практически в одно время. Как выпутываться из создавшейся ситуации,

Мил не представлял, решив пустить все на самотек, надеясь на переменчивость в настроении этой лукавой леди.

Тем не менее он действительно сильно опаздывал, так как, как он и предполагал, ему не удалось незаметно улизнуть из дома мэтра до гашения света, который традиционно происходил около одиннадцати часов вечера. Мэтр, словно на зло ему, рушил все намеченные планы, удерживая Мила около себя и нагружая его мелкими поручениями, такими как переписать начисто письмо мадам Бове, а после, расспрашивая Мила о планах в его творчестве и долго рассказывая о своей уже давно забытой молодости, и отпуская своего молодого собеседника, дружески похлопал его по плечу и как-то не в тему произнес:

– Не торопитесь, молодой человек, все у Вас будет. Только не торопитесь.

Затем замолчал, уставившись в темнеющее окно.

Мил постоял еще немного, ожидая продолжения этой незаконченной фразы, но, поняв, что мэтру больше нечего добавить, пожал плечами и прошел в свою комнату. Еще долго стоял мэтр у окна, глядя на темнеющий сад и что-то напевая желтоватой звезде, пытаясь что-то срифмовать, столь же великое, как и все его предыдущие творения. Наконец, это ему, по-видимому, удалось, и он удалился в свою комнату, чтобы запечатлеть эти прекрасные строки на пергаменте.

Мил не стал дожидаться, когда мэтр угомонится, и потихоньку перелез через стену по специально приготовленной для этого веревочной лестнице с крючьями, с помощью которых молодые люди цепляли ее за каменную стену и выбирались на «волю». Затем, как было заведено, он спрятал лестницу в тайнике.

И вот она – долгожданная площадь мэрии, или площадь у мэрии, как ее обычно называл простой люд. Ярко освещенная не только жировыми фонарями, но и большим количеством факелов, воткнутых в специально расставленные шесты со скобами.

На высоких каменных ступенях мэрии расположилось несколько десятков человек в масках и экзотических нарядах. Все они рассыпались на небольшие группки, о чем-то оживленно беседовали и периодически смешивались с другими группками, словно втекая и перемешивая свой разномастный состав и создавая непрерывный поток.

Мил замер почти посередине площади, с удивлением наблюдая это забавное явление и ожидая, что его заметит хотя бы одна из предполагаемых спутниц.

В груди заскреблись зачатки сомнения, правильно ли он поступает, собираясь вовсю флиртовать сразу с обеими девицами, но, твердо сказав себе, что не он придумал этот мир, он успокоил свою совесть и придал себе решимости.

Задумавшись, он чуть не попал в «объятия» огромного моряка, проходившего мимо него с двумя своими такими же огромными приятелями.

– Эй, гляди, еще один ряженый, кажись, новенький, – пробасил моряк, удерживая Мила от столкновения своей огромной ручищей.

– Да разве их поймешь, новые или старые, – покачал головой другой, – слетаются сюда, как летающая рыба на свет факелов. Красивая, как радуга, а на вкус горькая, как смола.

– Это потому, что Вы не умеете ее готовить, – осторожно снял руку с плеча Мил, – если ее вымачивать пару часов в кислой воде, мясо становится нежным и вкусным.

– Ишь ты, умник какой нашелся, а не пойдешь ли ты к нам коком? – захохотал третий.

– А наш одноглазый – к нему помощником, – добавил второй, и все трое расхохотались только им понятной шутке.

– Да нет, он, наверное, бродячий актер, судя по лютне.

– Это вряд ли. Она такая старая, что на ней и играть-то, наверное, уже и нельзя.

– Инструмент – он как вино, чем старше, тем ценнее, – спокойно возразил Мил.

– Хм, а ты никак бард? – спросил первый моряк, внимательно вглядываясь в Мила.

– Скажешь тоже, – возразил второй, – какой это бард? Откуда ему здесь взяться?

– Да ладно, пусть себе идет, наше какое дело? Только ты слышь, умник, кинжальчик-то из ножен не вынимай, и тебе проще будет, и нам спокойней, – шепнул третий, и вся троица продолжила свое движение.

– Что, познакомился с нашим Цербером? – подошли к Милу три девицы, лица которых были скрыты масками.

– Цербером? – не понял Мил.

– Ну да. Неразлучная троица, что сейчас от тебя отошла, зовется Цербером, – произнесла одна из девиц.

– А, понятно. Насколько я помню, цербером называется трехглавая собака со змеиными хвостами, так вроде не похоже.

– У тебя просто плохо развито воображение, но это уже не поправить. Имей в виду, тут принято общаться со всеми на «ты». Так что привыкай.

– Ладно, – пожал плечами Мил.

– Так кто ты, – продолжала допытывать его настойчивая девица.

– Я? – Мил задумался. – Я просто путник, проходящий мимо и решивший зайти на мерцающие здесь огни в поисках спутников по этой жизни. А кто вы?

Девицы фыркнули от такого выспаренного ответа, и все та же девушка в кошачьей маске продолжила допрос:

– Откуда ты взялся такой интересный?

– Откуда? Мне трудно ответить тебе на этот вопрос, прекрасная кошка, всю свою жизнь я шагаю по земле из одного места в другое и уже не помню, откуда я начал свое путешествие.

– Надо же как, – с преувеличенным интересом восхитилась «кошка». – Родина-то у тебя есть?

– И это мне неизвестно. Помню, мне говорили, что я родился на корабле, а вот откуда и куда он плыл, никто не помнил.

– Бедняжка, – громко вздохнула вторая девица, маска которой напоминала какую-то невиданную птицу, – ни дома, ни родины.

– В этом нет ничего страшного, леди, – поклонился Мил, – разве путнику нужен постоянный дом? Конечно же, нет. Тот, кого постоянно зовет дорога, не обременяет себя лишней обузой.

– Вот как, – серьезно кивнула «кошка», – а у тебя есть имя, путник?

– Имя? Смысл сказанного тобой несколько ускользает от моего понимания. Нет у меня никакого имени. У меня есть плащ, укрывающий меня от непогоды, у меня есть кинжал, оберегающий меня от врагов, у меня есть лютня, скрашивающая мое одиночество. А имя, его у меня нет, а если и есть, то оно мне неведомо.

– Хорошо, – пожала плечами «кошка», – значит, будешь просто Странник. Меня же можешь звать Эрато, это Клио, – указала она рукой на птицу, – а это Талия, – дотронулась она до плеча молчавшей до этого девушки в маске, изображающей улыбающееся женское лицо.

– Я рад познакомиться с вами, прекрасные музы, это самая прекрасная ночь, какую мне доводилось провести в моем бесконечном странствии. И я благодарен случаю, который привел меня в эти благословенные места.

– А наш Странник так же хорошо образован, как и вежлив, – засмеялись девицы, – думаю, мало кто из наших поклонников может сообразить, что означают наши имена, – серьезным тоном закончила Клио.

– Ну что Вы, просто, шагая по начертанному пути, я встречал столько замечательных и умных людей, что просто не мог не впитать хоть крупицу их огромных знаний.

– А он еще и скромен, – фыркнула кошка Эрато, – я просто не могу поверить, что на свете существует такой удивительный человек.

– Я чувствую некоторую долю иронии в Вашем голосе, леди Эрато, и это очень печально, ведь я не давал повода усомниться в моих словах. По-видимому, Вы больше тяготеете к комедийным действиям, которые скорее подходят леди Талии, чем Вам, богине лирической поэзии.

Проговорив это, Странник грустно поклонился и попытался отойти от притихшей троицы.

– Как? Вы покидаете нас? – воскликнула Клио. – Если Вы обиделись на эту несносную «кошку», которая задирает тут всех подряд, и от которой стонут все местные молодые люди, то не переносите Ваш гнев на нас с Талией. Пойдемте, мы познакомим Вас с нашим обществом. Впрочем, познакомим совершенно не подходящее для этого действия слово. Скажем, правильнее будет сказать, представим Вас нашей маленькой компании. И, пожалуйста, давайте перейдем на ты. Так действительно принято у нас, и в этом нет ничего обидного.

– Я следую за вами, прекрасные музы, – поклонился Странник.

Девицы со смешком слегка присели в реверансе и двинулись к поджидавшей их компании, которая с интересом пыталась разглядеть новый персонаж в их маскараде.

– Не переигрывай, Странник, – прошептала «кошка», обгоняя его и присоединяясь к своим подругам.

– Глядите, народ, кого мы для вас отбили у Цербера, – воскликнула Клио, изящно указав ручкой на Странника, – этого таинственного путника с неизведанных стран зовут Странник. Только, боюсь, под его маской скрывается древний старец, чей возраст, к сожалению, не позволяет припомнить ему ни его имя, ни место рождения, ни даже то, откуда он и куда идет.

– Ученые медики называют эту болезнь «склерозом», и, к сожалению, она иногда поражает не только дряхлых старцев, – важно заметил один из присутствующих, скрывающийся под черной маской в форме летучей мыши. – Вспомни, Клио, не далее как неделю назад ты проспорила мне поцелуй, а теперь утверждаешь, что не помнишь такого.

– Вот еще, – пожала плечами Клио, – я не то чтобы не помню, я просто не собираюсь целоваться с летучей мышью.

– То есть если я сменю маску, у меня есть шанс?

– Шанс есть у всех, – кивнула Клио.

– На самом деле, я бы не сильно на это рассчитывала, Бэт, – усмехнулась «кошка», – она вполне может заявить, что обещание, данное одной маске, совершенно не распространяется на другие, и будет абсолютно права. Мало ли кто будет говорить от твоего имени.

– Это точно, – воскликнул другой молодой человек с нарисованным драконом на куртке, – а вообще, если вернуться к болезни, которую наш умник назвал «склерозом», то она приносит не только некоторые неудобства. Например, можно совершать множество безумных поступков, а наутро сделать удивленные глаза и невинно спросить: «А что я такого сделал? Ничего не помню».

Он произнес эти слова неестественно тонким голосом, вызвавшим смех у присутствующих.

– Точно, – расхохотался Бэт, – только, думаю, найдется много желающих напомнить тебе даже то, что ты и не делал.

– Да-а-а, – загрустил молодой человек, – добрых людей на свете очень много. А как ты думаешь? – обратился он к Страннику.

– Добрых людей действительно очень много, ты даже не представляешь, как правдиво это утверждение. Их гораздо больше, чем людей злых. На своем пути мне достаточно пришлось повидать и тех, и других, можешь мне поверить на слово.

– Я вижу в твоих руках лютню, Странник, ты играешь или носишь ее как украшение? – обратил на Странника внимание Бэт.

– К моему сожалению, я только учусь играть на этом прекрасном инструменте, что довольно трудно мне дается. Пальцы устают и болят от жестких струн, а я к тому же никогда не показывал больших способностей к музыке.

– Ну вот, – обиженно протянула Талия, – а говорил, что она «скрашивает твое одиночество».

– Я и сейчас готов подтвердить это. Она действительно скрашивает мое одиночество, но при этом очень сильно портит настроение другим.

– Это как? – изумился Бэт.

– Редко у кого хватает терпения подолгу слушать мои песни. Моя мелодия очень быстро утомляет тех редких слушателей, которых судьба посылает на моем пути.

– А может, они слишком привередливы? Честное слово, Странник, в нас ты найдешь более благодарных слушателей, – к маленькой компании присоединилась довольно внушительная группа юношей и девушек, разодетых в яркие одежды. – Сыграй нам, Странник, и мы наградим тебя криками восторга, – с улыбкой произнесла разодетая как на бал девушка с закрытым вуалью лицом.

– Браво, Принцесса, ты как всегда вовремя, – фыркнула «кошка».

– И тебе здравствуй, Эрато, – пожала плечами та. – Ну так как, Странник? – обратилась она вновь к юноше.

– Не буду изображать из себя скромника, леди, мне действительно лестно ваше внимание, но прошу потом не обессудьте.

– Хорошо-хорошо, не смущайся, – Принцесса присела на ступень лестницы, на брошенный для нее кем-то камзол, и внимательно уставилась на Странника.

Повисла тишина, он пожал плечами, присел на ступень, еще теплую от дневного зноя, чуть-чуть откашлялся, взял паузу и провел пальцами по струнам. Раздался чуть хрипловатый голос, срывающийся иногда на фальцет, словно стараясь заглушить убегающую впереди слов мелодию:

Расскажи мне сказку, дождик,
Будто в детстве я опять,
Где рассказчик и художник
Не заставит долго ждать,
Где твой шепот откровенный
Лучше всяких громких фраз,
И твой голос неизменный
С прошлым так сближает нас.
И в мечтах, как в океане,
Унесусь куда-нибудь,
Где удача не обманет
Где одна награда – путь.
Расстоянье исчезает
Под размеренный аккорд.
Что с тобою так сближает?
Ты и прост, и очень горд.
Мы с тобою были вместе
Много лет тому назад,
А потом, не к нашей чести,
Разошлись с тобою, брат.
Просто в дикой суматохе,
В суете текущих дел

Мы забыли, это плохо,
Тех, кто сказки в детстве пел.
Но теперь, когда мы вместе,
Не молчи, прошу тебя,
Мне так нужно в твоей песне
Вдруг услышать смех ручья.
Ты пропой мне песню детства,
Мое сердце успокой,
Нет верней на свете средства,
Чем чуть слышный голос твой.

– Ну что сказать? – раздался задумчивый голос Бэт, когда последний аккорд смолк. – Я, конечно, не сыграю лучше, но только потому, что вообще не умею играть на этом инструменте.

– Ужасно, – встала Принцесса, – знаешь, Странник, я на днях слушала одного барда, не в обиду тебе будет сказать, он пел гораздо лучше тебя.

– Но ведь я предупреждал тебя, Принцесса, – произнес несколько уязвленный певец, – я странник, а не бард, я путник, а не певец.

– А мне понравилось, – пожала плечами Клио, – простенько и со вкусом. За версту чувствуется дорога, одиночество и усталость. Вот только надо чуть подучиться играть на этом инструменте, и будет не хуже этого хваленого барда, который, по слухам, так хорошо целуется.

– А что, он еще и целуется? – с удивлением спросила Эрато.

– Говорят, очень даже неплохо, – пожала плечами Клио.

– А с кем?

– Вот про это, к сожалению, история умалчивает.

– С какой-нибудь служанкой, – презрительно пожала плечами Принцесса. – А что, Странник, тебе действительно приходилось ночевать на голой земле?

– Я бы не рискнул назвать ту землю, на которой я ночевал, голой. По большей мере я старался расположиться на ночлег где-нибудь в поле, на чудесном толстом и мягком ковре из трав и луговых цветов. Ах, какой там стоял аромат, голова кружилась от восторга, и глаза сами закрывались, чтобы увидеть чудесные сны.

– Ага, и сотни комаров, мечтающих напиться твоей крови: «З-з-з», – прожужжал Бэт.

– Фу, Бэт, как не стыдно, – отмахнулась Клио.

– Знаешь, Бэт, если пару месяцев не мыться, то комары даже не пытаются сесть на тебя, – усмехнулся молодой человек с рисунком дракона на костюме.

– Какие вы оба гадкие, – передернула плечами Принцесса.

– Прошу простить, Ваше величество, за прозу жизни, – склонил голову «дракон».

– На самом-то деле, в ваших местах, на счастье путникам, расстояние между населенными пунктами очень небольшое, если постараться, можно покрыть это расстояние за дневной переход. А добродушные фермеры всегда дадут приют хотя бы на сеновале. А больше страннику и не надо. Но я действительно не раз ночевал в полях и лесах. Это очень даже занимательно.

– И что же там такого занимательного? – Эрато протянула руку «дракону», и он галантно помог ей подняться со ступени, на которой она сидела.

– Да многое, леди. Звуки природы загадочны и чарующи, надо только уметь слышать их, краски неба изумительны в своей чистоте, в городах вы никогда не увидите такой красоты, такого прозрачного и чистого воздуха. А звезды, их пристальный взгляд беспокоит и тревожит. Они прекрасны, как глаза любимой.

– А дикие звери? – рассеянно спросила Эрато, стряхивая с себя несуществующие пылинки.

– Летом звери практически не нападают на людей, если только они не больны или по какой-то другой причине не могут охотиться на свою основную добычу.

– Это как? – она подняла голову на Странника.

– Мне рассказывал старый охотник, что высоко в горах одна горная кошка повадилась нападать на людей. Пришлось создавать целый отряд, чтобы уничтожить ее. И что же? В итоге оказалось, какой-то охотник в свое время неудачным выстрелом из лука повредил ей челюсть, и она не могла нормально охотиться, вот и перешла на людей, у них и мясо понежней, да и убить их легче. Но это исключение, в основном звери неохотно нападают на людей.

– Это точно, хотя едят с удовольствием, – кивнул дракон. – Но тем не менее никогда не знаешь, чего ждать от разъяренного хищника. Мой кузен ушел с девушками собирать грибы, знаете, есть такая страсть у провинциалов, так вот, его задрал медведь, просто так, в середине лета.

– Так бывает, – кивнул Странник, – но мне посчастливилось, и я на одной из дорог встретил старого следопыта, который научил меня договариваться с такими зверями.

– Как можно договориться с зверем? Это просто обман, – пожал плечами Дракон. – Ты уже уходишь? – обратился он к Эрато.

– Да, уже пора. Если хочешь, проводи меня, – кивнула она Дракону. – А все же, я знаю, что может быть прекраснее всех Ваших дорог, Странник.

– И что же, леди?

– Море.

Она повернулась к сидящим и о чем-то мирно беседующим людям и, вскинув руку, произнесла:

– Пока, народ.

В ответ раздались прощальные слова, и она, повернувшись к Страннику, улыбнулась:

– Рада была познакомиться, Странник, надеюсь еще увидеться.

Она протянула ему руку, и он, галантно ее поцеловав, почувствовал, как она передала ему маленький клочок бумаги.

– Несомненно, «кошка», я хочу увидеть ваш карнавал.

– Вот и замечательно, только не пойте больше – пусть это делают барды.

Ее силуэт растаял в темноте вместе с «драконом», который отправился ее проводить.

– Сладкая парочка, – фыркнула Принцесса.

– Да, пора уже расходиться, – зевнул Бэт, прикрывая рот рукой.

– Вот еще, я совсем не хочу спать, – капризно протянула Принцесса.

– Понятное дело, – пожал плечами Бэт, – думаю, ты проспишь до обеда, а мне утром разбирать товар, который привезли с юга. Скучнейшее дело.

– Вот и иди. А нам Странник что-нибудь расскажет.

– Что же Вам рассказать? – задумчиво спросил тот.

– Что-нибудь, – пожала плечами Принцесса.

– Хорошо. Однажды мне довелось встретиться на своем пути с одиноким воином. В дороге с ним случилась неприятность – у него пал конь, а те, что ему предлагали в ближайших деревнях его не устраивали, и он спешил в ближайший город, из которого я следовал. Мы провели с ним одну ночь, и, сидя у костра, он рассказал мне про удивительные страны, расположенные далеко на севере.

– Звучит как сказка, – улыбнулась Принцесса.

– Это, наверное, и есть сказка или сказание, ведь я не могу поручиться за правдивость его слов, но, с другой стороны, к чему ему было говорить неправду?

– Люди часто говорят неправду, Странник, – пожал плечами Бэт, – наверное, гораздо чаще, чем это принято думать.

– Может быть. Если разрешишь, то я продолжу, – недовольно проговорил Странник и, приняв молчание за согласие, продолжил.

– Там, далеко-далеко на севере, есть места, где холода сковывают льдом бурные и глубокие реки до самого дна. Там снегом наметают такие сугробы, что без специальных так называемых снегоступов невозможно передвигаться. А если тебе выпало на долю заблудиться без опытного провожатого в бескрайних снежных просторах, то шанс дожить до утра очень небольшой.

Там такие морозы, что слова, вылетающие из уст, замерзают и словно впечатываются в воздух, напоминая говорившим о сказанном своим холодом. Там такие морозы, что, несмотря на горящий всю ночь огонь, в доме спать приходиться одетыми в меховые одежды. Там близкие люди спят, тесно прижавшись друг к другу, чтобы сохранить тепло и подарить его рядом лежащему.

Там невозможно прожить в одиночку, поэтому люди сбились в кланы, больше похожие на огромные семьи со своими традициями и вождями, живущие по старинным законам и на издревле закрепленных за каждым кланом землях. Говорят, они редко воюют между собой и непременно объединяются перед лицом внешней угрозы, становясь в таких случаях грозной, непобедимой силой.

– Но как они живут в таких условиях? Круглый год зима, холод, голод? – Принцесса внимательно посмотрела на Странника.

– Нет, конечно, у них есть и весна, и лето, но все такое скоротечное и неприветливое, что больше похожее на наши самые холодные весны. Но и они им в радость. Они охотятся в огромном холодном море на странных огромных, как корабли, животных, питаясь их мясом, используя их жир, кости, кожу. Вообще, они охотники и воины. Воины плавают на своих чудных кораблях, нападая на близлежащих соседей, нанося им немалый урон.

А все потому, что они великолепные воины, безжалостные и бесстрашные. Они наводили ужас на прибрежных жителей своими набегами, и недавнее нападение пиратов – это легкая неприятность по сравнению с их набегами.

– Да они просто бандиты и убийцы, эти Ваши северные люди, и я на месте прибрежных жителей собрала бы армию и выступила бы войной против них, чтобы раз и навсегда отбить охоту нападать на соседей, – грозно топнула ногой Принцесса.

– Да и, наверное, были бы правы, – согласился Странник, – ибо они уважают только свои законы и силу. Если ты слаб, тебе незачем жить на этой земле, и ты всегда будешь добычей более сильного. Но разве не так принято и в нашем так называемом цивилизованном мире, сильный всегда будет третировать слабого, а то и лишит его крова и еды.

– О, да ты бунтарь, Странник. Уж не намекаешь ли ты на кой-какие исторические события?

– О нет, Принцесса, я просто странник, пытающийся рассказать Вам о далеких народах и скрасить этот незабываемый вечер. С Вашего позволения я продолжу.

На самом деле этот жестокий и по существу не столь уж большой народ просто пытается выжить в этих суровых условиях, сохранить свои семьи, правда, таким жестоким и, наверное, несправедливым путем. Но ты угадала, Принцесса, когда собиралась идти войной на эти дикие племена. В конце концов, и те народы, которые подвергались нападению этих дерзких мореходов и воинов, решили объединиться и напасть на них, собираясь тем самым навсегда отбить желание воевать.

Поздней весной, когда успокоились шторма, они послали на четырех кораблях своих лучших воинов, которые долго блуждали по морю в поисках противника, уничтожив за это время несколько рыбацких кораблей и, наконец, нашли одну из искомых бухт…

– Вот только не надо описывать сражения и те ужасы, которые эти воины там совершили. Думаю, они ничем не отличались по жестокости от этих варваров, – запротестовала Прин-

цесса. – Я не хочу слушать описания кровавых битв на ночь, в них нет ничего, заслуживающего моего внимания, и когда вы, мужчины, рассказываете нам эти страсти, не надо ждать от нас бурных аплодисментов и оваций. Мало того, если в твоем рассказе, Странник, нет истории любви, то поскорее его заканчивай.

– Но, Принцесса, – робко возразил Бэт, – чем тебе не угодили батальные сцены, ведь в таких рассказах это самое интересное, а твои любовные истории все на один манер. Их не по одному десятку рассказывают твои «болтушки», когда хотят поделиться какой-нибудь «самой страшной тайной».

– Ну уж нет, обойдемся без батальных сцен, а то я потом не смогу заснуть, – тут она мило зевнула, прикрыв ротик своей затянутой в перчатку рукой. – Противный Бэт, ты все-таки заразил меня своим зеванием.

– Думаю, леди права, уже далеко за полночь, – произнес неожиданно появившийся моряк, – у вас еще впереди много вечеров, поэтому не стоит затягивать этот. – А Вам, молодой человек, я предлагаю продолжить этот рассказ завтра после захода солнца в «Десятой склянке». Там найдутся благодарные слушатели, в отличие от этой капризной леди.

– Ха, – произнес Бэт, покорно вставая с насиженного места, – там очень просто могут и голову снести, если рассказ вдруг придется не по нраву слушателей. И уж никто не потерпит твоей маски, Странник, если ты дорожишь своим инкогнито.

– Вообще-то дорожу, – кивнул Странник, подавая руку Принцессе и помогая ей встать.

– Как хочешь, молодой человек, – пожал плечами матрос, – тогда до встречи в карнавальную ночь, если ты придешь, гарантирую тебе неприкосновенность и заслуживающую внимания публику.

– Договорились, в полночь, – кивнул Мил.

– Ты не проводишь меня до кареты, Странник? – капризно потянула его за локоть Принцесса, которой наскучили эти разговоры.

– Я буду счастлив сделать это, леди, – галантно поклонился тот.

– Тогда пойдем, она должна быть тут неподалеку. Пока, народ, – помахала она небольшой горстке людей, оставшейся еще на площади, и направилась к Старому городу.

– Как жаль, Принцесса, в такую прекрасную ночь я счастлив был бы утомить Вас долгой прогулкой.

– Я и так уже утомлена дальше некуда, – произнесла она, опираясь на его руку. – Все эти разговоры…

– Но почему Вы тогда ходите сюда?

– Без меня тут все рассыплется, и наша маленькая традиция исчезнет. А жаль, временами тут бывает занимательно.

– Не сомневаюсь, леди, Вы душа этого общества.

– Льстец, – звонко засмеялась Принцесса. – У тебя есть девушка в нашем городе, Странник?

– Да, леди, но мне кажется, она совершенно не замечает меня.

– Думаю это практически невозможно, тебя нельзя не заметить, для этого ты слишком талантлив и красив.

– Принцесса, Вы, оказывается, отлично видите в темноте, да еще сквозь маску.

– Я еще хорошо могу читать сердца, можешь мне поверить.

– Ничуть не сомневаюсь в этом, во всяком случае моя попытка скрыть свое лицо под маской провалилась.

– А что, разве была попытка? – улыбнулась сквозь маску Принцесса.

– Очень робкая.

– Так что ты говорил там насчет своей возлюбленной? – слегка пожала ему руку девушка.

– Я ничего не говорил, кроме того, что она меня всячески игнорирует.

– Да? А ты делаешь, какие-то попытки привлечь ее внимание?

– Хм, – задумчиво протянул Странник, – наверное, очень робкие и неумелые.

– Ну вот, а претендуешь на ее внимание, или ты ждешь, что она сама начнет оказывать тебе эти знаки. Боюсь, что ты успеешь к этому времени состариться. Будь смелее.

Во время этой непринужденной беседы они вышли с площади и почти налетели на стоящую карету.

Тут надо сделать одно маленькое отступление, в Мариине, как и в большинстве городов Ловерии, практически никто не ездит в карете, запряженной лошадьми. И это было не только оттого, что узкие улицы города делали такие поездки несколько затруднительными, поскольку не везде две встречные кареты могли свободно разъехаться, но и в том, что содержание лошадей в городе достаточно расточительно. В основном богатый люд предпочитал передвижения в паланкинах, которые несли несколько пар слуг, впрочем, золотая молодежь предпочитала передвигаться верхом на лошадях, чем иногда вызывала нарекание от не довольных жителей.

Каретами же пользовались только определенный круг людей, для которых это была и почетная привилегия, и приятная обязанность.

– Симон всегда так близко подъезжает, – капризно протянула Принцесса.

– Он бережет Ваши прекрасные ноги, леди.

– Садись, я немного тебя подвезу, – шепнула Принцесса.

Они потихоньку забрались в карету. Затем Принцесса выглянула в окно и громко сказала:

– Я хочу прокатиться в восточную часть города, просыпайся.

Спереди послышалась возня, потом громкий зевок, и вот карета двинулась по ночной гулкой мостовой. Она была тесная, эта карета, больше подходившая для прогулки юной леди, в одиночестве любующейся видами из широких окон. Но сейчас окна были плотно занавешены шторами, да к тому же снаружи была ночь, а внутри два человека сидели, молча касаясь друг друга своими горячими телами.

– Я люблю Вас, леди, – прошептали мужские губы, и его руки завладели маленькой женской ручкой.

– Ох, отстань, Странник, или тебя уже можно назвать Милл И'Уссом.

– Вы можете называть меня как Вам будет угодно.

– У нас говорят «хоть горшком назови, только в печь не ставь», – засмеялась Принцесса.

Тем временем горячие губы юноши пробежали по каждому ее пальчику и переместились к плечу.

– Остановись, – жалобно прошептала она.

Но он не слушал ее шепота, своими жаркими губами обхватил мочку ее уха и почувствовал, как по всему ее телу прокатилась дрожь. Она безвольно обвила его руками, прижавшись к нему, а он, захватив в плен ее губы, нежно переместил свою руку на ее грудь.

– Остановись, – прошептала она, пытаясь отстраниться от него.

– Ну почему, ты же любишь меня, – почти беззвучно произнес он.

Эти ли слова или внезапная ямка под колесом, неизвестно, но внезапно она вырвалась из дурманящего плена и закатила бы ему оглушительную пощечину, если бы он внезапно не отклонился.

– Как ты смеешь уклоняться от моей руки, – словно змея, зашипела она.

– Как ты смеешь поднимать на меня руку, – парировал он.

– Я тебе не портовая шлюха, чтобы ты смел так меня лапать, – даже темнота не могла скрыть блеска ее разъяренных глаз. – Не смей больше показываться на мои глаза, или я просто тебя убью. Симон, остановись!

Карета остановилась.

– Что-то случилось, леди? – раздался в тишине хрипловатый старческий голос.

– Вовсе нет, – ответила Принцесса, выпихивая Мила на мостовую, – я передумала кататься, поехали домой.

– Хорошо, – согласился тот.

И карета, набирая ход, растаяла в тишине.

Мил встал с мостовой, внимательно осмотрел лютню, и, убедившись, что она цела, припустился к дому мэтра, до которого было еще неблизко.

«Похоже, мой роман накрылся, – беспечно пожал он плечами, – а жаль». Добравшись до места, он незаметно проник в свою комнату, упрятал свой костюм в маленький сундучок, вынув предварительно записку.

«Будьте в день карнавала у лавки, возле которой мы с вами встретились на днях». Г.

– Ну что ж, впереди новые приключения, – удовлетворенно кивнул он, разрывая записку на десятки мелких клочков и сдувая их с ладони в притихший сад. – Пора спать, – сказал он сам себе и юркнул под тоненькое покрывало.

День карнавала наступил необыкновенно быстро. Мэтр переживал, что произведения его учеников не получили столь желаемого им законченного вида. Называя их недостаточно причесанными и выверенными, он непрерывно ворчал, обвиняя учеников в лености.

Разбившись на три группы, они должны были выступать на открытии карнавала: в мэрии, где сам мэр торжественно возвещал о начале этого удивительного мероприятия и по этому поводу давал официальный прием.

Далее в загородной резиденции наместника, куда направлялось официальное приглашение города, о принятии наместником участия в торжественной церемонии въезда «непобедимых» войск в город.

И, наконец, на площади мэрии, где всякий желающий, заняв место, спозаранку мог насладиться выступлениями жонглеров, фокусников и прочих артистов.

Во всех трех местах ученики мэтра Бурана должны были исполнить свои «величественные оды», получив свои первые публичные аплодисменты. Потому сборы были суматошными и несколько сумбурными, однако это не помешало им прибыть в назначенные места вовремя.

Мила с двумя товарищами назначили в здание мэрии, где, как уже говорилось, и было дано начало торжеству.

Официальный большой зал был украшен в зеленые и синие тона, олицетворявшие, по-видимому, цвета моря, и был заполнен самыми именитыми людьми города, представлявшими все существующие в нем цеха и гильдии.

Мэр произнес торжественную речь, в которой не забыл отметить «неоценимый вклад», который присутствующие внесли в процветание родного города, и выразил надежду на дальнейшее плодотворное и тесное сосуществование к общей выгоде и развитию. Вся речь мэра длилась около получаса и закончилась официальной отправкой приглашения наместнику под общее одобрение присутствующих.

После того как гонец отбыл, мэр дал небольшой завтрак для присутствующих, услаждать слух которых и должны были три юных барда. Приняты они были более чем благосклонно, и по окончанию выступлений их пригласили присоединиться к трапезе, что, учитывая их возраст, было большой честью.

За дверями мэрии тоже начиналось представление, где оды учеников мэтра, кстати, тоже обедавшего в мэрии, сменялись выступлениями бродячих актеров, которые должны были разогреть публику к главному действию карнавала, шествию по улицам города и ночному маскараду. Маскарад, надо отметить, на самом деле начинался еще засветло, по гонгу огромного колокола, издревле извещавшего людей о важных происшествиях.

Официальный обед в мэрии закончился незадолго до прибытия наместника, и все вышли на улицу для его торжественной встречи.

После небольшого ожидания послышался восторженный крик зевак, и на площадь въехала кавалькада рыцарей в сверкающих доспехах во главе с наместником, одетым по последней столичной моде, верхом на белом жеребце с заплетенными на гриве косичками.

Последовал обмен любезностями, выступление глав цехов, преподнесших дары городу и его освободителю, прозвучали заздравные речи. В ответ наместник выразил уверенность сделать все необходимое для обеспечения безопасности города.

Закончив со своими нехитрыми обязанностями, Мил незаметно потерялся в толпе, собираясь насладиться зрелищем у лавки, где ему назначила свидания «таинственная кошка». Надо отметить, что разворачивающееся действие было довольно любопытным, особенно для лиц, которые никогда не были в Мариине и не участвовали в карнавале.

Открыл шествие мэр с членами мэрии, перед которыми несли знаки и цвета их домов, рядом на правах почетного гостя шествовал спешившийся наместник со своим штандартом и почетным караулом из моряков его корабля. За ними плотными рядами вышагивали шеренги рыцарей на боевых конях. Следом по очереди, расписанной задолго до карнавала, шли все цеховые сообщества города со своими знаками, со своими изделиями, делая из простого шествия маленькое представление, ничуть не уступая в своем искусстве настоящим актерам. Именно это придавало обыкновенному шествию свою изюминку и очарование, собиравшее на протяжении всего пути толпы простого люда.

Шествие затянулось на несколько часов и должно было закончиться на набережной, где взгляд зрителей должен был усладиться торжественным входом в порт кораблей герцога.

С этой минуты должен был быть дан знак начала веселья, которое планировалось продлиться до утра. Различные соревнования от кулачных боев до стрельбы из луков, от заплывов пловцов до соперничества гребцов, скачки на лошадях, многое другое, где любой желающий мог попробовать свои силы за звание лучшего, коим стал бы зваться победитель до следующих состязаний, которые будут не раньше осенней ярмарки.

Вдобавок ко всему, как уже говорилось, ближе к маскараду каждый цех счел долгом традиционно накрыть огромный стол, где каждый желающий мог отведать бесплатного угощения. Некоторые особо почитаемые гильдии так просто откупали многочисленные таверны и трактиры, вешая на них свои знаки и гербы, чтобы каждый входящий знал, кому он обязан таким щедротам.

Этот краткий экскурс хоть немного дает понять то, за чем с таким интересом наблюдал Мил, когда его за локоть тронула маленькая женская ладошка.

– Здравствуйте, господин бард. Вы сегодня были особенно торжественны, – произнес чуть насмешливый девичий голос.

Мил обернулся и встретился с глазами Гортензии.

– Как я рад Вас увидеть, леди.

– Рад, скажите еще, что Вы искали встречи со мной после нашего последнего свидания.

– Каюсь, что нет, леди, но это не значит, что я не думал о Вас все это время.

– Ох, так ли это, – с улыбкой покачала головой Гортензия.

– Честное слово, просто в преддверии карнавала мэтр загрузил нас по полной программе, заставляя отшлифовывать каждое наше слово, не давая нам ни минуты свободного времени. И, надо сказать, все равно остался недоволен.

– Да, настоящий талант, – усмехнулась Гортензия. – Давайте отойдем подальше.

– Как скажете, леди, – пожал плечами Мил, с сожалением отрываясь от происходящего на улицах города.

– Пойдемте, – категорично заявила Гортензия, – все самое интересное позади, а Вас, как я думаю, не каждый день приглашают на прогулку юные леди, – кокетливо договорила Гортензия.

– Я готов идти за Вами хоть на край земли.

– Такой ответ я ждала с самого начала. Идемте, я Вам покажу самый красивый вид в нашем городе.

Они быстрыми шагами пересекли опустевшие улицы города и какими-то закоулками добрались до моря много левее набережной, на которую тем временем только-только стала прибывать процессия.

Взобравшись на скалистую вершину утеса, они увидели, как перед ними открылся изумительный вид бескрайнего моря, уходящего своей синевой далеко к горизонту и даже, по-видимому, за него. По его просторам двумя ровными рядами шли под парусами корабли.

– Правда красиво? – улыбнулась Гортензия.

– Изумительно, – согласился Мил, вдыхая аромат соленого воздуха моря.

– Это мое самое любимое место в городе. Когда мне грустно, я прихожу сюда, и через некоторое время моя грусть уходит.

– И не удивительно – это место буквально пропитано энергией, тут хочется кричать от восторга, – согласился с ней Мил.

– Вы почувствовали это? Славно, значит, у нас с Вами есть что-то общее.

– Я рад слышать это, Гортензия, значит у меня еще не все потеряно.

– Что Вы имеете в виду, господин Милл И'Усс?

– Что? Я уже один раз высказался на эту тему, Вы обозвали меня лгунишкой, простите, но очень обидно и не хотелось бы услышать эти слова вновь.

– Ой, какой Вы, однако, обидчивый, – улыбнулась Гортензия. – Признаю, я немного подразнила Вас, что тут такого. Разве я не имею на это право?

– Почему же Вы вдруг имеете?

– Любой мужчина, добивающийся, – она слегка запнулась, – ну, скажем так, дружбы женщины или девушки, должен быть готов к некоторым испытаниям, которым она его подвергнет. Ну, должна же я Вас помучить.

– Понятно, – кивнул Мил и отвернулся к порту, куда подтянулась вся процессия.

Порт стал похож на большой муравейник, так много людей прибыло туда.

– Тут, наверное, весь город, – изумленно прошептал Мил.

– Почти, – кивнула Гортензия. – Вы никогда не видели такого зрелища?

– Нет, я прибыл сюда зимой и, соответственно, пропустил осеннюю ярмарку и праздник урожая. И праздник «всех богов» я тоже пропустил, так что это зрелище для меня открытие.

– Значит, хорошо, что я затащила Вас в это прекрасное место. Смотрите, сейчас корабли зайдут в порт, это очень торжественно и красиво.

Повисло молчание, Мил во все глаза глядел на происходящее внизу.

– Вы обиделись на меня, господин бард? – тихо спросила Гортензия.

– Наверное, нет, – медленно, словно выверяя каждое слово, произнес Мил, – я не понимаю Вас, для чего Вам надо мучить меня или подвергать испытаниям.

– Не знаю, наверное, чтобы понять Ваши чувства, чтобы Вы могли понять, действительно ли они таковы, какими Вы их мне представляете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.